

ВИТАЛИЙ ВУЛЬФ
СЕРАФИМА ЧЕБОТАРЬ

Самые
ЖЕЛАННЫЕ
ЖЕНЩИНЫ

От НЕФЕРТИТИ до Софи ЛОРЕН
и ПРИНЦЕССЫ ДИАНЫ

Роковые женщины

Виталий Вульф

**Самые желанные женщины.
От Нефертити до Софи
Лорен и принцессы Дианы**

«Яуза»

2013

Вульф В. Я.

Самые желанные женщины. От Нефертити до Софи Лорен и принцессы Дианы / В. Я. Вульф — «Яуза», 2013 — (Роковые женщины)

Этим божественным женщинам поклоняются миллионы мужчин. Их прекрасные черты пленяют, вдохновляют, завораживают. Их «гений чистой красоты» восхищает весь мир. А их поразительные судьбы читаются как волнующий чувственный роман, который никого не оставит равнодушным. Эта книга – портретная галерея самых желанных и незабываемых женщин, от цариц до «звезд» экрана, от Нефертити и маркизы Помпадур до Одри Хепберн, Софи Лорен, Брижит Бардо, Грейс Келли, принцессы Дианы, Катрин Денев и Синди Кроуфорд.

© Вульф В. Я., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Нефертити. Красота пришла	6
Маркиза де Помпадур. Сердце короля	11
Одри Хепберн. Ангел с печальными глазами	17
Рита Хейворт. Американская богиня любви	25
Мэй Уэст. Бог тут ни при чем	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виталий Вульф, Серафима Чеботарь **Самые желанные женщины. От Нефертити** **до Софи Лорен и принцессы Дианы**

©Чеботарь С., 2013

©ООО «Издательство «Яуза», 2013

©ООО «Издательство «Эксмо», 2013

©ООО «Текстура-пресс», 2013

©Киноконцерн «Мосфильм» (кадры из фильма)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Нефертити. Красота пришла

Ее лицо, изысканное и одухотворенное, сейчас считается эталоном красоты, вдохновляя многих на сочинения легенд о его обладательнице.

Прошло три с половиной тысячелетия, пески времени давно поглотили страну, которой она правила, превратив в прах все, что ее окружало, но, извлеченная из небытия, Нефертити снова властвует над миром...

Каждый, кто хоть раз видел ее изображение, уже никогда не забудет прекрасную египетскую царицу. Ее лицо, изысканное и одухотворенное, сейчас считается эталоном красоты, вдохновляя многих на сочинения легенд о его обладательнице. Прошло три с половиной тысячелетия, пески времени давно поглотили страну, которой она правила, превратив в прах все, что ее окружало, но, извлеченная из небытия, Нефертити снова властвует над миром.

В декабре 1912 года сотрудники археологической экспедиции Германского Восточного общества под руководством профессора Людвига Борхарда, уже несколько лет раскапывающей окрестности египетской деревушки эль-Амарна, разбирали древний мусор, найденный в одном из раскопанных домов. Неожиданно среди песка и черепков они увидели лицо – великолепно сохранившийся (лишь было разбито одно ухо и отсутствовал левый зрачок) бюст женщины, совершенной в своей красоте, изящности линий и живости черт.

На прекрасную незнакомку сбежались посмотреть все члены экспедиции – многие потом признавались, что позже красавица не раз являлась им во сне. В тот день профессор Борхард записал в своем дневнике: «Она дышит жизнью... Это невозможно описать словами, это надо видеть». Как оказалось, это было изображение Нефертити, прекрасной царицы XVIII династии. Позже в том же доме – как считается, мастерской скульптора Тутмеса – были найдены еще несколько изображений Нефертити, а также ее дочерей и мужа – фараона Эхнатона. Лишь левый глаз статуи так и не был найден: позже установили, что его никогда не было. Считается, что это свидетельствует о том, что портрет прижизненный: по обычаю второй глаз статуе должны были вставить лишь после смерти, вселив в нее таким образом душу умершей.

В то время – да и сейчас – Египет позволял иностранным делегациям проводить раскопки на своей территории лишь с условием, что половина всех найденных сокровищ – на усмотрение египетской стороны – останется в стране. Но профессор Борхард так не хотел расставаться с бюстом царицы, что пошел на хитрость: он показал инспектору из службы охраны древностей Гюставу Лефевру снимок бюста, сделанный при плохом свете и с невыгодного ракурса, и к тому же указал в документах, что тот выполнен из гипса, а не из известняка. Невыразительная, судя по фотографии, работа не заинтересовала Лефевра, и бюст был беспрепятственно вывезен в Берлин.

В 1920 году он был подарен Берлинскому музею, и с тех пор началась всемирная слава Нефертити, не угасающая до сих пор. Возможно, свою роль в ее известности сыграл стиль ар-деко, зарождающийся в то время: лаконичные чистые линии и яркие цвета как нельзя лучше отвечали требованиям времени. С тех самых пор бюст Нефертити, наряду с маской Тутанхамона, силуэтами пирамид и обликом Сфинкса, символизирует для нас высокую культуру Древнего Египта.

Интерес к статуе закономерно вызвал и интерес к судьбе изображенной женщины – царицы Нефертити. Однако долгое время археологам удавалось найти о ней лишь отдельные упоминания, да и сейчас о Нефертити известно слишком мало, чтобы можно было однозначно судить о ее биографии. Между тем неослабевающее желание публики знать о древней красавице как можно больше побуждало историков сочинять одну версию ее жизни за другой – и теперь из имеющихся десятков вариантов каждый может выбрать версию себе по вкусу.

Ее имя традиционно переводят как «красота пришла». О ее происхождении мало что известно точно. Одни исследователи считают, что ее настоящее имя – Тадухиппа, и она была дочерью царя Митанни Тушратты, которую выдали замуж за Аменхотепа III. В Египте она по традиции приняла новое имя, которое достаточно ясно говорит о том, что его носительница иноземного происхождения. После смерти мужа молодая вдова, согласно обычаю, стала супругой его сына Аменхотепа IV, со временем добившись положения главной жены. Другие считают, что Нефертити – чистокровная египтянка и ее родителями были Эйе, один из ближайших сподвижников фараона Аменхотепа III, и его жена Тии – кормилица Аменхотепа IV. По крайней мере царица Мутнеджемт, младшая сестра Нефертити, открыто называет Тии

матерью. Они происходили из города Коптоса, и их предки были жрецами. Существует также предположение, что Эйе был братом Тий – главной и любимой жены Аменхотепа III. Тий (Тия или Тейе) имела огромное влияние на своего супруга: она играла при его дворе очень заметную роль, вместе с мужем принимая участие во всех дворцовых церемониях и праздниках, а также сопровождая его в поездках по стране. Сторонники египетской версии происхождения Нефертити считают, что именно Тий избрала ее в жены для своего сына: девушка происходила из приближенной ко двору семьи и к тому же отличалась необыкновенной красотой.

Юный Аменхотеп IV, занявший трон приблизительно в 1351 году до нашей эры, души не чаял в красавице-жене: их любви посвящены многочисленные фрески и рельефы, а также письменные тексты. Фараон, называвший жену «Усладой своего сердца», обращался к ней в одном из писем: «Любовь моя, Королева Юга и Севера, Возлюбленная моя, Нефертити, я бы хотел, чтобы ты жила вечно». На одном из рельефов даже изображен поцелуй Аменхотепа и Нефертити – считается, что это первое изображение любовной сцены в истории искусства. Портреты и статуи Нефертити встречаются гораздо чаще изображений ее супруга – по всей видимости, почитание прекрасной царицы было распространено по всей стране. Она завоевала любовь народа не только редкостной красотой, но и умом, обаянием, самоотверженностью и, конечно же, той глубокой любовью, которую она питала к своему супругу, – в царских семьях, где браки заключались исключительно по политическим соображениям, явление редчайшее во все времена.

Едва взойдя на престол, молодой фараон Аменхотеп ввел реформу, не имеющую себе равных по смелости замысла и размаху: в противовес многочисленным египетским богам он создал культ бога Атона, чьим олицетворением объявил солнечный диск. Как полагают исследователи, целью этой реформы было ослабить египетское жречество, захватившее слишком много власти, а также обеспечить с помощью единого культа единство довольно разрозненного египетского населения. Поначалу Атон мирно соседствовал с культами прежних богов – он лишь был провозглашен верховным божеством, так же, как солнце стоит выше всего мира. Но со временем Атон был объявлен единственным богом: храмы прежних богов были закрыты, жрецы разогнаны, их статуи разрушены. Себя же фараон объявил воплощением Атона, бессмертным абсолютным божеством, ведающим жизнями подданных и судьбой всего мира.

В религиозных церемониях, которыми сопровождался культ фараона, Нефертити принимала самое непосредственное участие: она была первой жрицей бога-фараона, его верной спутницей и соратницей. Вместе с мужем она насаждала новую веру, искренне и страстно служила и новому культу, и собственному мужу. Нефертити стала живым воплощением солнечной силы, дарующей жизнь всему существу: ей и ее статуям возносились молитвы и приносились жертвы. «Она проводит Атона на покой сладостным голосом и прекрасными руками с систрами, – написано о ней на стене гробницы одного из вельмож ее супруга, – при звуке голоса ее ликуют». Другой текст называет ее «красавицей, прекрасной в диадеме с двумя перьями, владычицей радости, полной восхвалений, преисполненной красотою».

По версии иноземного происхождения Нефертити, культ солнца-Атона в Египет принесла именно она: митаннийцы издревле поклонялись солнцу, и будто бы прекрасная царица смогла обратить в свою веру и супруга.

В честь бога Атона были изменены имена фараонской четы, их детей и приближенных: Аменхотеп берет себе имя Эхнатона (Их-не-Айти, «Полезный для Атона»), а Нефертити отныне именуется Нефер-Неферу-Атон – «Прекрасная красотой Атона», то есть «красотой подобная солнцу». В трехстах километрах к северу от прежней столицы, прекрасных и пышных Фив, Эхнатон приказал построить новую – Ахет-Атон (Ах-Йати, «Заря Атона»), где строятся роскошные храмы и дворцы. Самым распространенным сюжетом росписей и барельефов, украсивших стены новой столицы, были удивительно реалистичные для жестко регламентированного египетского искусства изображения фараона, его супруги и их детей: вот Нефертити

сидит на коленях у мужа, вот они играют с детьми, вот она с дочерьми молится богу Атону – диску со множеством рук. Любовь фараона и его жены стала символом нового правления и залогом благоденствия для всей страны.

Однако годы шли, а Нефертити так и не смогла подарить мужу сына и наследника: одна за другой у нее родились шесть дочерей. Как полагают исследователи, это стало причиной охлаждения фараона к прежде обожаемой супруге. Все чаще рядом с именем фараона упоминается не Нефертити, а Кийа – прежде второстепенная царица, теперь же полноправная правительница, владычица сердца Эхнатона. До нас дошли даже стихи, которые фараон посвятил своей новой любви. Имя же Нефертити постепенно исчезло из обихода – скорее всего, опальная царица жила в одном из загородных дворцов, проводя дни в сожалениях о прошлом.

Однако есть и другая версия разлада между Нефертити и ее мужем: в последние годы Эхнатон, под влиянием матери и под давлением обстоятельств, уже не так ревностно служил новому культу, вернув жрецам прежних богов многие права. Нефертити, которая была ревностной почитательницей культа Атона, не простила своему мужу предательства и удалилась от двора.

Есть и третья, самая фантастическая версия: будто бы Эхнатон, отчаявшись дождаться от супруги наследника, но по-прежнему любя ее, взял себе новую жену – собственную дочь Меритатон, – а Нефертити сделал своим соправителем под мужским именем Сменхкара. Когда же Эхнатон скончался, Сменхкара правил Египтом единолично. Эта версия основывается на том, что у Нефертити и Сменхкары одинаковые личные и тронные имена.

Однако большинство ученых полагают, что Сменхкара был младшим братом Эхнатона или сыном от Кийи: он был женат на Меритатон и коронован еще при жизни Эхнатона, дабы избежать возможных споров о наследовании. Сменхкаре наследовал Тутанхатон, сын Эхнатона и Кийи, женатый на его дочери от Нефертити по имени Анхесенпаатон. Он окончательно отошел от культа Атона и даже сменил свое имя, назвавшись Тутанхамоном – благодаря счастливой случайности, не позволившей грабителям обчистить его гробницу, ныне он один из самых известных фараонов, хотя ничего великого он за свою жизнь не совершил.

Как считает большинство историков, Нефертити скончалась в Фивах незадолго до своего сорокалетия. Место ее захоронения неизвестно.

В 2003 году английский археолог Джоан Флетчер высказала предположение, что мумия, известная под номером 61072, принадлежит Нефертити. С помощью компьютерных технологий экспертам удалось на основе рентгеновских снимков мумии воссоздать ее облик – и, к изумлению самих ученых, полученное лицо было удивительно похоже на бюст, найденный когда-то профессором Борхардом в мастерской Тутмеса. Хотя исследование Флетчер было подвергнуто жестокой и местами справедливой критике, все равно хочется верить, что тело прекрасной царицы наконец было найдено.

Маркиза де Помпадур. Сердце короля

Говорили, что страной правит не король, а маркиза де Помпадур. Она держала себя так, как будто бы сама была королевской крови: в своих покоях, которые когда-то принадлежали мадам де Монтеспан, всесильной фаворитке Людовика XIV, она принимала министров, послов и королевских особ. Даже родственники Людовика должны были просить у нее аудиенции...

Она не обладала ни блестящей родословной, ни особыми талантами, не была ни выдающейся красавицей, ни гением в политике, но ее имя давно стало нарицательным, обозначая и целую эпоху, и явление фаворитизма. Жизнь урожденной Жанны-Антуанетты Пуассон наглядно доказывает, что любая может войти в историю – если только приложит к этому достаточно усилий.

Родителями будущей маркизы считаются Франсуа Пуассон, бывший лакей, дослужившийся до интенданта, и Луиза-Мадлен де ла Мотт. Считаются, потому что весьма вольное поведение красавицы Луизы дает историкам основание сомневаться в отцовстве ее супруга: по их мнению, отцом Жанны скорее всего был финансист, бывший посол в Швеции Ленорман де Турнем. Именно он заботился о Луизе и ее детях, когда Франсуа Пуассон, проворовавшись, сбежал из страны.

Жанна-Антуанетта появилась на свет 29 декабря 1721 года в Париже. Девочка росла, окруженная всеобщей любовью: она была очаровательна, покладиста, умна и очень хороша собой. Благодаря средствам де Турнема Жанна воспитывалась в монастыре урсулинок в Пуасси: вспоминают, что юная Жанна чудесно пела – позже ее красивым чистым голосом будут восторгаться придворные музыканты – и великолепно декламировала, выказывая немалый драматический талант. Возможно, сложились обстоятельства по-другому, и из Жанны вышла бы превосходная актриса, но ей была уготована другая судьба: однажды известная гадалка мадам Лебон предсказала девятилетней Жанне, что когда-нибудь она покорит сердце самого короля.

Предсказание произвело неизгладимое впечатление и на Жанну, и на ее мать, которая во что бы то ни стало решила воспитать из дочери достойную спутницу монарха. Она наняла для девочки лучших учителей, которые обучали ее пению, игре на клавинодах, рисованию, танцам, этикету, ботанике, риторике и сценическому искусству, а также умению одеваться и вести светские беседы. За все платил де Турнем – у которого на девочку были свои планы.

Едва Жанне исполнилось девятнадцать лет, де Турнем устроил ее свадьбу с собственным племянником: Шарль-Гийом Ленорман д'Этиоль был на пять лет старше своей невесты, некрасив и стеснителен, однако Жанна не раздумывая согласилась на брак: де Турнель пообещал новобрачным составить завещание в их пользу, часть из которого преподнес им в качестве свадебного подарка.

Семейная жизнь оказалась неожиданно счастливой: муж был совершенно очарован своей хорошенькой женой, а она наслаждалась спокойной жизнью в имении Этиоль, расположенном на границе Сенарского леса – любимых королевских охотничьих угодий. Муж был рад исполнить любую ее прихоть: Жанна не знала недостатка в нарядах и драгоценностях, у нее были прекрасные экипажи и даже домашний театр, который любящий супруг организовал, дабы его обожаемая жена могла развлекаться игрой на сцене. Жанна по-своему любила мужа: вспоминают, что она не раз говорила ему, что никогда его не оставит – разве что ради самого короля. Она родила мужу двух детей: сына, умершего вскоре после рождения, и дочь Александрину-Жанну – в семье ее звали Фанфан.

Молодая мадам д'Этиоль была счастлива, но ей было скучно в узком семейном кругу – и она, по примеру многих светских дам, устроила у себя салон. Уже скоро в обществе стали говорить, что мадам д'Этиоль весьма обходительна, остроумна, очень хороша собой и к тому же на удивление умна. В ее салоне стали бывать светские львы и актеры, ученые мужи и политики: среди постоянных гостей называют знаменитого философа Шарля де Монтескье, известного драматурга Проспера Кребиллона, прославленного ученого Бернара де Фонтенеля и даже Вольтера, весьма ценившего мадам д'Этиоль за ум, обаяние и искренность. Сам председатель парламента Эно, постоянный участник вечерних приемов у королевы, говорил, что Жанна – прелестнейшая из всех женщин, которых он когда-либо видел: «Она прекрасно чувствует музыку, очень выразительно и вдохновенно поет, наверное, знает не меньше сотни песен».

О ее внешности сохранилось немало свидетельств, но таких противоречивых, что теперь нелегко разобраться в том, как же именно выглядела Жанна. Маркиз д'Аржансон писал: «Она была блондинкой со слишком бледным лицом, несколько полновата и довольно плохо сложена, хотя и наделена грацией и талантами». А обер-егермейстер Версаля описывал ее как элегантную женщину среднего роста, стройную, с мягкими непринужденными манерами, обладавшую лицом безукоризненной овальной формы, прекрасными, с каштановым отливом волосами, довольно большими глазами, прекрасными длинными ресницами, прямым, совершенной формы носом, чувственным ртом, очень красивыми зубами. По его словам, у Жанны был чарующий смех, всегда прекрасный цвет лица, а глаза неопределенного цвета: «В них не было искрящейся живости, свойственной черным глазам, или нежной истомы, свойственной голубым, или благородства, свойственного серым. Их неопределенный цвет, казалось, обещал вам негу страстного соблазна и в то же время оставлял впечатление какой-то смутной тоски в мятущейся душе...»

Уже скоро мадам д'Этиоль блистала в парижском свете, что для дочери бывшего лакея было невероятным достижением, но Жанна мечтала о большем: она прекрасно помнила, что ей суждено покорить сердце самого короля. В надежде встретиться с ним Жанна, одетая в свои самые элегантные наряды, частенько выезжала в Сенарский лес, где любил охотиться король Людовик XV – говорят, молодая красавица привлекла внимание короля, и тот соизволил послать ее супругу оленью тушу. Мсье д'Этиоль был столь рад знаку королевского внимания, что велел сохранить оленьи рога – что его жена сочла добрым знаком: в скором времени ее муж будет носить рога от самого короля. Однако Жанну заметил не только Людовик, но и его официальная фаворитка, всесильная герцогиня де Шатору: она немедленно потребовала от мадам д'Этиоль «избавить короля от ее назойливого внимания». Жанне пришлось отступить.

В декабре 1744 года герцогиня де Шатору неожиданно скончалась: вспоминают, что король так горевал, что, хотя некоторое время утешался с ее сестрой, не спешил выбирать новую фаворитку. Путь к сердцу короля оказался свободен.

В феврале 1745 года в Парижской ратуше давали бал-маскарад в честь бракосочетания дофина Людовика-Фердинанда и испанской принцессы Марии-Терезии: мадам д'Этиоль прибыла туда в костюме Дианы и всю ночь развлекала короля остроумной беседой, отказываясь снять маску. Лишь перед уходом Жанна показала королю свое лицо – и по всей видимости, король был впечатлен ее красотой. Когда Жанна, подобно Золушке, потерявшей на лестнице дворца туфельку, уронила на пол бальной залы свой платок, король поднял его и лично вернул даме: этикет рассматривал такой жест как слишком интимный, так что придворные не сомневались, что Людовик избрал себе новую любовницу.

Но их следующая встреча состоялась лишь в апреле: в Версале представляли итальянскую комедию, и то ли стараниями королевских распорядителей, то ли происками поддерживавших Жанну придворных она оказалась в ложе по соседству с королевской. Людовик пригласил Жанну на ужин – а на десерт Жанна подала королю себя.

Это едва не стало ее роковой ошибкой: наутро король сообщил своему камердинеру, что мадам д'Этиоль была весьма мила, но ею явно двигал корыстный интерес и честолюбие. Все это немедленно стало известно Жанне, не пожалевшей денег на подкуп королевских слуг. И она сделала самое умное, что могла: она исчезла с королевских глаз.

Обычно дамы, удостоенные королевского внимания, не исчезали после первой же встречи – напротив, они всячески набивались на вторую. Необычное поведение Жанны д'Этиоль заинтриговало короля, и он не переставал думать о ней. Когда она появилась снова, то разыграла перед Людовиком целый спектакль: она призналась ему в своей страстной и безграничной любви, пожаловалась на преследования ревнивого и жестокого супруга... И король, растроганный и очарованный, пал к ее ногам. Он пообещал Жанне, что сделает ее официальной фавориткой, едва вернется из похода во Фландрию.

Королю Людовику XV в то время было тридцать пять лет. Получив престол в раннем детстве, король всю молодость провел в разнообразнейших удовольствиях, предпочитая государственным делам изящные искусства, охоту и женщин. Он был женат на Марии Лещинской – женщине некрасивой и к тому же старше его на семь лет, которая после рождения десяти детей (из которых выжили семеро) отказалась делить с ним ложе, снисходительно наблюдая за чередой королевских любовниц. К тридцати пяти годам у короля было все, что он мог только желать, и в то же время он, все изведавший и все попробовавший, ничего уже не желал: пресыщение вызвало невыносимую скуку, развеять которую король уже и не надеялся.

Однако Жанна, прекрасно осведомленная о проблемах Людовика, взяла на себя обязанность всячески развлекать его. Сначала она писала ему изящные остроумные письма (править которые ей помогал аббат де Берни, также обучавший Жанну придворным манерам), потом делала все, чтобы король в ее обществе не скучал ни минуты. Возможно, именно этим Жанна д'Этиоль завоевала сердце короля, и именно так оставалась его владычицей до самой своей смерти.

Уже в мае Жанна развелась со своим супругом, а в июне Людовик пожаловал своей возлюбленной титул маркизы де Помпадур, к которому прилагались поместье и герб, а уже в сентябре новоиспеченную маркизу официально представили ко двору в качестве королевской фаворитки. Как ни странно, королева весьма благосклонно отнеслась к Жанне, отметив ее искреннюю привязанность к Людовику, ум и то уважение, с которым маркиза неизменно относилась к ее величеству. Известно, что она не раз говорила: «Если уж королю так нужна любовница, то лучше это будет мадам Помпадур, чем кто-нибудь еще». А вот придворные, оскорбленные и низким происхождением Жанны, и ее пока еще нередкими нарушениями прихотливого этикета, прозвали ее Гризеткой – намекая этим нелестным прозвищем на то, что для родовитых аристократов маркиза по сути своей является всего лишь высокопоставленной куртизанкой.

Однако Жанна не отчаивалась: она прекрасно понимала, что тот, кто владеет сердцем короля, может владеть и его подданными, а Людовиком она завладела накрепко. Король, очарованный красотой Жанны, ее остроумными беседами и утонченными любовными утехами, был по-настоящему влюблен. Однако Жанна понимала, что так короля не удержать: красавиц вокруг много, а Жанна к тому же от природы обладала холодным темпераментом, и изощренные постельные игры давались ей тяжело. Мадам де Помпадур постоянно принимала различные афродизиаки, чтобы распалить свою страсть, – шоколад, супы из сельдерея, трюфели, порошок из шпанских мушек, устрицы, красное вино с пряностями и так далее, но даже они со временем перестали оказывать нужное действие. Но Жанна сделала ставку не на секс: она, как никто, могла развлечь короля, развеять его скуку. Каждый день в ее салоне его встречали лучшие умы своего времени – Вольтер, Буше, Монтескье, Фрагонар, Бюффон, Кребийон беседовали с его величеством, и все неизменно с восхищением отзывались о маркизе. Она проявляла необыкновенную изобретательность в нарядах и прическах, никогда не представая перед королем дважды в одном и том же образе, и не жалела сил и средств на организацию многочисленных праздников, балов, вечеринок, маскарадов и концертов, неизменно поражающих оригинальностью идеи, тщательностью организации, роскошью и изысканностью. Нередко она организовывала для короля театральные представления – самые последние новинки лучших европейских драматургов разыгрывались перед королевской семьей, и всегда в главной роли выступала очаровательная маркиза, с блеском исполнявшая и комедийные, и драматические роли. Со временем Жанна даже создала в Версале, в одной из примыкавших к Медальонному кабинету галерей, собственный театр, названный «Камерным».

Со временем Жанна обрела неограниченное влияние не только на самого короля, но и на государственные дела: говорили, что страной правит не король, а маркиза де Помпадур. Она держала себя так, как будто бы сама была королевской крови: в своих покоях, которые когда-

то принадлежали мадам де Монтеспан, всесильной фаворитке Людовика XIV, она принимала министров, послов и королевских особ. Даже родственники Людовика должны были просить у нее аудиенции. Приемы проходили в роскошном зале, где стояло только одно кресло – для маркизы. Все остальные должны были стоять. Она настолько была уверена в своих силах, что даже захотела выдать свою дочь Александрину за сына короля от графини де Вентимиль, однако король, возможно в единственный раз, решительно отказал Жанне: вместо этого Александрину просватали за герцога де Пикиньи. Однако в тринадцать лет девушка внезапно скончалась – говорили, что ее отравили недоброжелатели маркизы, которых по мере усиления ее власти становилось все больше.

Маркиза де Помпадур и правда могла считаться всесильной. Все ее родственники получили титулы, должности и денежные подарки, все друзья сделали карьеру. Она привела к власти герцога Шуазеля, меняла по своему желанию министров и главнокомандующих и даже по собственному усмотрению вела внешнюю политику: именно по инициативе маркизы Франция заключила в 1756 году договор со своим традиционным противником Австрией, направленный против Пруссии, которая исторически всегда была французской союзницей. Согласно историческому анекдоту, к прусскому королю Фридриху II Жанна воспылала ненавистью после того, как ей доложили, что тот дал своей собаке кличку Помпадур. Хотя Вольтер приветствовал этот договор, отмечая, что он «объединил две страны после двухсот лет закланной вражды», в итоге он вышел Франции боком: разразившаяся Семилетняя война могла бы закончиться поражением Пруссии, но в итоге Франция оказалась среди проигравших: пришедший к власти в далекой России Петр III отказался от всех завоеваний, буквально подарив победу Фридриху. А если бы императрица Елизавета прожила хотя бы на месяц дольше, все было бы по-другому, и мадам де Помпадур вошла бы в историю как один из самых удачливых политиков современности.

Интересы Жанны не ограничивались политическими интригами: немало сил и денег она тратила на поддержку искусств, возродив обычай королевского меценатства. Она покровительствовала философам и ученым, выхлопотала пенсию Жану д'Аламберу и Кребийону, обеспечила издание первого тома прославленной Энциклопедии, оплачивала обучение талантливых студентов и издавала литературные труды, многие из которых благодарные авторы посвящали ей. В Париже она создала военную школу для сыновей ветеранов войн и обедневших дворян – прославленный Сен-Сир, деньги на строительство которого маркиза пожертвовала из своего кармана. В Севре она организовала фарфоровое производство, куда приглашала лучших химиков, скульпторов и художников. Со временем севрский фарфор стал конкурировать с прославленным саксонским, а особый розовый цвет в честь маркизы назвали «rose Pompadour». Первую продукцию маркиза выставила в Версале и лично продавала придворным, провозглашая: «Если тот, у кого есть деньги, не покупает этот фарфор, он плохой гражданин своей страны».

Благодаря милости и щедрости короля Жанна распоряжалась огромными суммами: историки подсчитали, что ее наряды стоили 1 миллион 300 тысяч ливров, косметика – три с половиной миллиона, театр обошелся в четыре, лошади и экипажи – в три, на драгоценности ушло 2 миллиона, а на прислугу – полтора. Четыре миллиона было потрачено на увеселения, а восемь – на меценатство. Огромных денег стоила недвижимость, которую Жанна скупала по всей стране, каждый раз перестраивая покупку по собственному вкусу, переделывая парки и обставляя новые дома изящной мебелью и произведениями искусства. Стил, который создала маркиза, до сих пор называется ее именем – так же, как фасоны одежды, прически, оттенки помады. Говорят, что конусообразные бокалы для шампанского были придуманы ею и имеют форму ее груди и что именно она придумала маленькую сумочку на завязках, и поныне известную как «помпадур». Маркиза ввела в моду высокие прически и каблуки, потому что сама была маленького роста, а огранка бриллианта «маркиза» имеет форму ее губ.

К 1750 году маркиза поняла, что ее власть над королем слабеет: ей все труднее возбуждать его желание, все чаще Людовик заглядывается на молоденьких красавиц, которых всегда было много при дворе. И маркиза приняла единственно верное решение: она сама отказалась от королевской постели, предпочтя стать ему ближайшим другом. А чтобы ее место не заняла какая-нибудь хваткая девица, взяла подбор королевских любовниц в свои руки. В парижском квартале Парк-о-Серф, пикантно известном Оленьем парке, она оборудовала настоящий дом свиданий для Людовика: там жили молоденькие девушки, которые после прохождения необходимой подготовки попадали в постель к монарху, а затем выдавались замуж, получая «за службу» немалое приданое. Маркиза зорко следила за тем, чтобы любовницы менялись быстрее, чем успевали надоесть Людовику, и прежде, чем он успел бы привязаться к какой-нибудь из них – маркиза по-прежнему желала оставаться единственной повелительницей королевского сердца. Между тем сама Жанна чувствовала усталость от постоянной битвы за короля, за положение при дворе, за влияние. Она давно болела – туберкулез буквально пожирал ее изнутри, – хотя и не подавала виду, и ее все чаще посещали грустные мысли. «Чем старше я становлюсь, – писала она в одном из своих писем брату, – тем более философское направление принимают мои мысли... За исключением счастья находиться с королем, что, конечно же, радует меня больше всего, все остальное только переплетение злобы и низости, ведущее ко всяким несчастьям, что свойственно людям вообще. Прекрасный сюжет для размышлений, особенно для такой, как я».

Шли годы, и маркиза с печалью понимала, что ее красота поблекла, а молодость прошла. Король по-прежнему был рядом с нею, но его держала уже не любовь, а привычка: поговаривали, что он не отставляет ее из жалости, опасаясь, что чувствительная маркиза наложит на себя руки. Тем не менее он урезал Жанне содержание, так что ей пришлось распродавать свои драгоценности и дома, дабы иметь возможность по-прежнему роскошно принимать у себя его величество.

Весной 1764 года Жанна, которая по-прежнему сопровождала короля во всех поездках, почувствовала себя плохо. В замке Шуазель она упала в обморок, и стало ясно, что ее конец близок. Король велел привезти ее в Версаль – и хотя этикет строжайше запрещает всем, кроме короля, болеть и умирать в стенах королевской резиденции, маркиза де Помпадур испустила свой последний вздох в личных королевских покоях. Это случилось вечером 15 апреля 1764 года. Ей было 43 года.

Вольтер, ее старый и верный друг, был одним из немногих, кто искренне переживал ее смерть: «Я глубоко потрясен кончиной госпожи де Помпадур, – писал он. – Я многим обязан ей, я оплакиваю ее. Какая ирония судьбы, что старик, который едва в состоянии передвигаться, еще жив, а прелестная женщина умирает в 40 лет в расцвете самой чудесной в мире славы».

Похороны маркизы проходили в необыкновенно дождливый и ветреный день. «Какую отвратительную погоду вы выбрали для последней прогулки, мадам!» – заметил Людовик, наблюдавший траурную процессию с балкона своего дворца. Согласно этикету, сам он не мог присутствовать на похоронах. Маркизу погребли рядом с ее матерью и дочерью в усыпальнице монастыря капуцинов. По преданию, на ее могиле было написано: «Здесь покоится та, которая двадцать лет была девственницей, десять лет – шлюхой, а тринадцать лет – сводницей». Через полвека монастырь был разрушен, и могила маркизы была навсегда утрачена.

Одри Хепберн. Ангел с печальными глазами

В 2004 году компания Evian организовала своеобразные выборы самой красивой женщины всех времен и народов. Жюри, состоящему из редакторов ведущих модных журналов, фотографов и дизайнеров, был представлен список ста красавиц, из которых предстояло выбрать самую-самую, основываясь на ее «натуральной красоте, здоровом образе жизни, а также учитывая не только внешнюю, но и внутреннюю красоту». Три четверти голосов были отданы за Одри Хепберн. Как сказала редактор журнала Elle Роззи Грин, «Одри Хепберн – это воплощение природной красоты. Она обладала удивительным шармом, внутренней красотой, которая излучалась в ее улыбке».

К этому времени Хепберн не было в живых уже двенадцать лет, а в кино она перестала сниматься за несколько лет до смерти. Но ее красота – необыкновенная, волшебная, гениальная, – до сих пор живет в сердцах миллионов зрителей.

Она не была похожа на других звезд своего времени – чувственных, сексуальных красавиц с пышными формами. Одри любили за хрупкость, непосредственность, обаяние и аристократизм. Весь мир был уверен в том, что Одри, как и ее героиня в фильме «Римские каникулы», настоящая принцесса – настолько благородным был ее облик. И это отчасти было правдой – в жилах Одри текло немало голубой крови.

Мать Одри, дочь голландского барона Элла ван Хеестра, родилась в 1900 году. Род ван Хеестра брал свое начало в XVI столетии и состоял в родстве с половиной европейской знати, включая голландскую королевскую фамилию. Элла, ее четыре сестры и брат росли в любви и богатстве, хотя заветной мечте Эллы не суждено было сбыться – а мечтала она «быть стройной, быть актрисой и быть англичанкой». Неутомимая оптимистка с немалой долей романтизма в характере, Элла в первый раз вышла замуж в девятнадцать лет – за аристократа, королевского конюшего Яна ван Уффорда; как потом оказалось, редкостного зануду. Родив в скучнейшем браке двух сыновей, Элла добилась развода и уехала зализывать раны к отцу, который был губернатором в Суринаме. Здесь Элла влюбилась – ее избранником стал Джозеф Виктор Энтони Хепберн-Растон, наполовину англичанин, наполовину ирландец. Обычно его называют банковским служащим, хотя исследователи так и не смогли найти банка, в котором бы он работал. Правильнее было бы назвать его авантюристом. В 1926 году Элла и Джозеф поженились и переехали в Брюссель.

4 мая 1929 года в пригороде Брюсселя родилась девочка, которой дали имя Эдда Кетлин; ей было суждено прославиться под именем Одри.

Нельзя сказать, что детство Эдды-Одри было счастливым. Родители, оба обладавшие взрывными характерами, беспрестанно ссорились; старшие братья безобразничали и всячески изводили сестру. Лишенная любви, маленькая Одри набрасывалась на шоколад, поедая его в невероятных количествах. Как писала потом сама Одри, «шоколад был моей единственной любовью, и он меня ни разу не предал».

От шоколада Одри, естественно, толстела; заметив это, Элла велела прятать от нее шоколад, а сама объяснила Одри: есть так много – неприлично, истинная леди не должна весить больше 46 килограмм! Одри послушалась: она всю жизнь сохраняла вес около 45 килограмм. Но достигла она этого дорогой ценой: от переживаний она просто переставала есть...

Брак родителей, громко трещащий по швам, лопнул в 1935 году – однажды ночью Элла застала мужа в постели с няней. Его вещи тут же были выкинуты на улицу; когда дети проснулись, в доме уже не было ни няни, ни Джозефа.

Одри никогда не говорила об этом. Только однажды она написала, что в тот день, когда ушел отец, закончилось ее детство. Потерю отца она переживала всю жизнь.

После разрыва Элла с детьми переехала обратно в Нидерланды, в город Арнем. Одри, уже свободно владеющая английским и французским, овладела еще и голландским. Учебной Одри старалась заглушить свою сердечную боль, недостаток любви в семье. С детства любя-

щая танцевать, она в 1939 году поступила в балетный класс Арнемской консерватории. Одри занималась страстно, самозабвенно, но ей все равно казалось, что она слишком неуклюжа...

В мае 1940 года немцы оккупировали Арнем. Еще недавно Эллу заверяли, что война не коснется Голландии и что нет необходимости уезжать в Англию, как она собиралась. А теперь в их особняке разместился штаб немецкой армии; брата Эллы расстреляли, а одного из сыновей забрали в немецкий трудовой лагерь. Чтобы не сойти с ума от страха и ужаса, Одри продолжала заниматься балетом – деньги на ее занятия Элла зарабатывала уроками бриджа. От постоянного голода у Одри началось малокровие, начали распухать ноги. После того как она чуть ли не месяц пряталась от немцев в подвале, питаясь шестью яблоками и половиной буханки хлеба, у нее началась еще и желтуха. Все это, несомненно, наложило свой отпечаток на внешность будущей звезды: ее хрупкая, тонкая фигура и огромные, словно испуганные, глаза – явные следы тех тяжелых лет. Если бы война не кончилась – Одри вряд ли бы выжила.

После войны Одри, как только позволило здоровье, снова вернулась к занятиям балетом. Сначала она занималась в классе известной преподавательницы танца Сони Гаскелл, а затем, переехав для этого в Англию, в школе «Балле Рамбер» у знаменитой Мари Рамбер. Однако вскоре стало ясно, что великой балериной Одри не стать. Тогда она стала пробовать свои силы в других сферах деятельности: снималась для модных каталогов, работала манекенщицей, снималась в рекламе – в своем первом ролике для авиакомпании KLM она снялась еще до переезда в Англию. Параллельно Одри работала в ночном клубе Ciro, где – несмотря на полное отсутствие необходимых в то время женщине округлостей – пользовалась большим успехом. Для имитации бюста Одри засовывала в декольте два свернутых носка. А ведь всего через несколько лет Билли Уайлдер назовет Одри «девушкой, благодаря которой роскошные женские бюсты выйдут из моды».

Одри выступала в кордебалете в мюзикле «Сапожки на застежках», в музыкальном ревю «Соус Тартар», а затем и в его продолжении «Пикантный соус». Ради участия в шоу Одри пришлось расстаться с занятиями балетом; вскоре ей пришлось расстаться с мюзиклами ради кино.

Режиссеры быстро заметили необычное лицо молодой актрисы, и Одри стали приглашать на эпизоды. В 1951–1952 годах Одри Хепберн появилась в семи картинах; критика ее игнорировала. Только Марио Дзампи, режиссер «Смех в раю», самого заметного из фильмов Одри того периода, сказал: «Настанет день, и она будет звездой!» История показала, что он был абсолютно прав.

Одри явно не хватало мастерства, но неумение играть она заменяла естественностью поведения и непреодолимым очарованием. Все, кто видел ее на экране, не могли ее забыть. После роли в фильме «Смех в раю» об Одри заговорила пресса – и дело было не только в ее игре, но и в том, что у юной актрисы завязался роман с одним из самых видных женихов Англии Джеймсом Хэнсоном, светским львом и будущим лордом. Они познакомились на вечеринке в Ciro; за развитием их романа следила вся Англия. В декабре 1951 года было объявлено о помолвке. Но пожениться никак не получалось – Одри внезапно оказалась завалена работой.

Съемки ее очередного фильма «Мы едем в Монте-Карло» (в американском прокате «Ребенок из Монте-Карло») проходили в Монако. Одри играла кинозвезду в платье от Диора – это платье должно было стать основной частью гонорара за фильм. Во время съемок Одри заметила знаменитая писательница Колетт – она как раз искала исполнительницу главной роли в бродвейском спектакле по ее роману «Жижки», скороспелую девочку-женщину, невинную и порочную одновременно. Колетт искала свою Жижки по всему свету уже несколько месяцев. Увидев Одри, она немедленно послала телеграмму в Нью-Йорк: «Я нашла свою Жижки! Она великолепна!» Однако Одри заупрямилась: она пыталась объяснить Колетт, что не является актрисой и играть на сцене совершенно не умеет. Однако после долгих уговоров она согласилась.

В то же время студия «Парамаунт» предложила Одри роль принцессы Анны в фильме «Римские каникулы» – первоначально роль предназначалась Элизабет Тейлор, но ее не отпустила студия MGM, с которой у Тейлор был контракт. Единственным условием «Парамаунта» было изменение фамилии Одри – чтобы не вызвать претензий со стороны кинозвезды Кэтрин Хепберн. Однако Одри заупрямилась: «Если вы хотите получить меня, вам придется взять меня вместе с моим именем». И студия сдалась. Тем более что ее проба была признана великолепной: руководство студии единодушно признало ее «одной из лучших, когда-либо делавшихся в Голливуде, Нью-Йорке или Лондоне».

31 мая 1952 года, едва закончив театральный сезон на Бродвее – в роли Жижки Одри имела шумный успех, – она вылетела в Рим на съемки «Римских каникул». Это была история Золушки наоборот: о принцессе, сбежавшей из дворца, чтобы хоть немного пожить обыкновенной жизнью. Режиссером фильма был Уильям Уайлер, партнером Одри стал знаменитый Грегори Пек. Пек опекал Одри, учил ее держаться перед камерой, ободрял ее – и делал это так, что вскоре поползли слухи об их романе (на самом деле Пек в то время был увлечен журналисткой Вероникой Пассани, на которой вскоре и женился). В конце концов в Рим прилетел Хэнсон и пытался настоять на немедленной свадьбе. Но ничего не получилось – и вскоре пара объявила о разрыве. Одри сильно переживала, к тому же съемки проходили тяжело: в Риме было невыносимо жарко, толпы зевак мешали съемочной группе, Одри все еще не умела играть... Для нее всю жизнь будет непонятным, почему люди восхищаются ее актерским талантом; сама она считала, что актриса она никакая.

Успех фильма был необыкновенным. Свежесть, энергия, очарование и безыскусность Одри покорили зрителей, она моментально стала одной из ярчайших звезд Голливуда. Уайлер везде называл Одри третьим, после Греты Гарбо и Ингрид Бергман, чудом киногоеничности. За роль принцессы Анны Одри Хепберн – неопытная и неумелая – получила «Оскара». Ее стиль в фильме – темная юбка, мужская рубашка, перехваченная в талии широким ремнем (талия у Одри была всего 50 сантиметров!), носки под туфли на низком каблучке, – на несколько лет стал эталоном для модниц по всему миру. А стрижка «гамен» – «под Хепберн» – оставалась на пике популярности несколько десятилетий.

Еще до выхода «Римских каникул» в прокат Одри была предложена главная роль в фильме «Сабрина» – про настоящую Золушку, нашедшую своего принца. Вместе с Одри снимались Хамфри Богарт, прославившийся в «Касабланке», и Уильям Уолден; режиссером был Билли Уайлдер. Этот фильм принес Одри главное знакомство ее жизни – Юбера де Живанши.

Было решено, что парижские туалеты Сабрины должен делать настоящий французский кутюрье. Первоначально предполагалось обратиться к Кристобалью Баленсиаге, но тот работал над коллекцией и отказался. Тогда Одри предложила кандидатуру Живанши – с его работами она познакомилась еще во время съемок «Мы едем в Монте-Карло». Живанши только что ушел от Эльзы Скиапарелли и основал собственное ателье.

Узнав о приходе «мисс Хепберн», Живанши ожидал увидеть Кэтрин; к слову сказать, она никогда не отличалась изысканностью в одежде. Однако на пороге ателье появилась Одри – стройная, элегантная, словно специально созданная для моделей Живанши. Союз актрисы и кутюрье длился всю жизнь Одри; Живанши создал ее стиль, ее имидж, соединяющий сияние молодости, элегантность и изысканность. Его модели, изящные и гармоничные, как сама Одри, классически простые и вместе с тем оригинальные, Одри предпочитала не только на съемочной площадке, но и в обычной жизни, чем, без сомнения, сильно помогла росту популярности его ателье. В честь Одри Живанши назвал одну из тканей «Сабрина», и ей же он посвятил свои вторые духи – «L'Interdit». Особая концентрация духов выпускалась лично для нее.

Как это ни странно, Одри всю жизнь считала себя некрасивой, стеснялась своей худобы. А в нарядах от Живанши «гадкий утенок» расправлял крылья и чувствовал себя лебедем; Живанши дарил Одри уверенность в себе, в своих силах.

«Сабрина» свела Одри еще с одним мужчиной, которому суждено было сыграть важную роль в ее жизни – Уильямом Уолденом. В «Сабрине» он играл мужчину, в которого была влюблена героиня Одри; как это часто бывает, актеры тоже влюбились друг в друга. Бурному роману не помешало даже то, что у Уолдена была жена и двое детей. Одри уже мечтала о замужестве, но тут Уолден сообщил ей, что он не способен больше иметь детей – несколько лет назад он подвергся стерилизации, опасаясь появления внебрачных детей. Для Одри это было жестоким ударом: семейную жизнь без детей она не представляла. Одри, если это было необходимо, могла быть твердой. Их роман был немедленно закончен.

В следующий раз они встретились через десять лет на съемках фильма «Париж – когда там жара». Уолден все еще любил Одри; после съемок он пел серенады под ее окнами. Но после разрыва он начал запойно пить, а Одри уже давно была замужем...

«Сабрина» имела шумный успех. Критика вздохнула хвалила Одри, ее непосредственность, необыкновенную красоту, обаяние. А она сама скорее боялась внимания прессы, чем любила: она была уверена в том, что совершенно не умеет играть, а к своей внешности относилась крайне критично: когда ее фотография появилась на обложке журнала «Тайм» – еще до выхода в прокат «Римских каникул», – Одри заметила: «Вот уж не думала, что с таким лицом, как у меня, можно появиться на страницах журнала». Однако постепенно жизнь Голливуда затягивала ее – во многом потому, что это помогало ей забыть о боли расставания с Уолденом. На одной из вечеринок Грегори Пек познакомил ее с Мелом Феррером. Это был известный актер, на двенадцать лет старше Одри, интеллектualan и спортсмен. Он был талантлив во многом – режиссер, автор детских книг, танцовщик; его невероятная активность во всем поражала. Активен он был и в личной жизни: помимо постоянных романов, Феррер был трижды женат, причем два раза – на одной и той же женщине, скульпторше Фрэнсис Пилчард. В Одри Феррер увидел не только прекрасную женщину, но и способ реализовать свои амбиции: вспыхнувшее между ними чувство он решил проверить совместной работой, предложив Одри роль в постановке пьесы французского драматурга Жана Жираду «Ундины». Одри должна была сыграть русалку, которая влюбляется в рыцаря, а потом гибнет, не вынеся его предательства. Роль как нельзя лучше подходила Одри с ее волшебной красотой и сказочным обаянием. Рыцаря, естественно, играл Мел. Тяжелые репетиции довели Одри до истощения – мало того, что она похудела на четыре килограмма (при ее-то весе), так у нее еще начался нервный срыв. Из него Одри вывел Мел: он следил за ее питанием, подарил ей двух пуделей, ограждал от переживаний, возил развлекаться и ругался с режиссером спектакля. В результате Одри не делала ни одного шага, не посоветовавшись с Мелом. Вскоре они поженились.

Они обвенчались 25 сентября 1954 года в Швейцарии, где Одри приходила в себя после напряженного театрального сезона. Одри была в белом платье с пышной юбкой от Живанши и с венком из белых роз – ее любимый цвет – на голове. По случайности венчание состоялось в тот же день, что и американская премьера «Сабрины».

Вскоре после свадьбы Одри обнаружила, что беременна. Она была на седьмом небе от счастья, однако ребенок родился мертвым – график съемок был чересчур напряженным. Одри играла Наташу в американской экранизации «Войны и мира», Феррер играл князя Андрея. Врачи говорили, что при ее телосложении, учитывая перенесенные болезни, у Одри практически нет шансов стать матерью...

Одри с головой ушла в работу. Она снялась в мюзикле «Смешное лицо» (или «Забавная мордашка»), комедии о мире модных журналов, где ее партнером был сам Фред Астор, лучший танцор Америки. Половину фильма Одри проводит в туалетах от Живанши – на его кандидатуре в качестве художника по костюмам Одри пыталась настоять каждый раз, когда ее приглашали сниматься. По сути дела, это был ее единственный каприз – в ее поведении не было никаких признаков «звездной болезни»; все, кто сталкивался с Одри на съемочной площадке, поражались тому, с какой скромностью она держалась. Никто никогда не слышал, чтобы она

повышала голос, никто не видел, чтобы она обижала кого-то. Во время съемок «Мордашки» был только один скандал: Одри наотрез отказывалась исполнять танец в баре в белых носочках на черное трико. Носочки казались ей ужасными, они уродовали и укорачивали ее ноги; она уверяла, что из-за этих носков фильм обречен на провал. Режиссер настоял, объяснив Одри, что иначе ее ног на темном фоне вообще не будет видно. Одри с трудом подчинилась; а по улицам мира стали ходить тысячи девушек в точно таких же носочках, надетых на черные чулки...

Сразу после «Мордашки» Одри снялась в фильме «Любовь после полудня» с Гари Купером и Морисом Шевалье. Она сменила прическу на мягкое каре с пробором посередине – и ей снова начали подражать по всему миру. Растущая популярность Одри сильно тяготила Феррера, которому не нравилось чувствовать себя «мистером Хепберн». Одри, как могла, поддерживала его, даже согласилась сняться с ним вместе в фильме «Майерлинг» – правда, фильм успеха не имел, и больше Мел и Одри в одном фильме не снимались. Зато следующий фильм Хепберн – «История монахини» – имел невероятный успех. Тем горше оказался провал фильма «Зеленые особняки», который снял сам Мел Феррер. Пытаясь реабилитироваться, он снял Одри еще в нескольких фильмах, но ни один из них не имел особенного успеха.

Одри тоже преследовали неудачи. Во время съемок вестерна «Непрощенная» в январе 1959 года она, упав с лошади, сильно повредила спину. В это время Одри снова была беременна; ребенок не пострадал, но съемки ей пришлось заканчивать в специальном корсете. Однако и этого ребенка сохранить не удалось. Одри впала в жестокую депрессию, заперлась в доме, ничего не ела... Феррер понял, что спасти положение сможет только новая беременность Одри – и уже летом это произошло. Родившегося 17 января 1960 года – прежде срока – мальчика назвали Шон, что значит «Дар Божий».

Через полгода счастливая Одри снова вернулась в кинематограф. Ей предложили главную роль в экранизации романа Трумэна Капоте «Завтрак у Тиффани» – на сей раз бывшей принцессе предстояло сыграть девушку легкого поведения. Сам Капоте видел в этой роли Мэрилин Монро. Тем не менее Одри Хепберн с блеском справилась с этой ролью, даже была номинирована на «Оскара».

После премьеры весь мир увидел, что Одри перестала быть эльфом; она стала зрелой женщиной, но такой же юной в душе. Облик Холли Гоулайтли – черное платье от Живанши, нитка жемчуга, длинные перчатки и высокая прическа, – до сих пор остается одной из «икон стиля», о чем свидетельствует его частое использование, например, в рекламе. Благодаря этому фильму резко пошла в гору дела и у ювелирной фирмы «Tiffany & Co».

Следующим фильмом стал великолепный мюзикл «Моя прекрасная леди» по мотивам пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». Этим фильмом восхищаются до сих пор, а роль Элизы считается одной из лучших у Одри Хепберн. Однако для нее все было не так просто. Роль прочили Джулии Эндрюс (известной по фильмам «Звуки музыки» и «Виктор, Виктория») – она сыграла Элизу и в бродвейской, и в лондонской постановке мюзикла. Одри чувствовала, что она захватило нечто, ей не принадлежащее. К тому же ей не разрешили самой исполнять вокальные партии – вместо нее пела профессиональная певица Марни Никсон. В итоге фильм «Моя прекрасная леди» получил 12 номинаций на «Оскар» – номинировались все... кроме Одри Хепберн. Киноакадемия не смогла простить ей, что она обошла Эндрюс.

Однофамилица Одри, Кэтрин Хепберн, восемь раз выдвигавшаяся на «Оскара» (и получившая его один раз), прислала ей утешительную телеграмму: «Не печалься. Когда-нибудь ты получишь второго за роль, которая не стоит того». К сожалению, Кэтрин ошибалась: после «Римских каникул» Одри Хепберн номинировалась еще трижды (за «Историю монахини», «Завтрак у Тиффани» и «Подожди до темноты»), но премии так и не получила.

За несколько следующих лет Одри снялась еще в нескольких картинах, из которых наиболее успешной стал фильм «Как украсть миллион». Живанши создал новый образ для Одри: новая стрижка, короткая юбка, костюм «в елочку» и огромные выпуклые солнечные очки,

которые после выхода фильма на экран красовались на каждом втором носу, включая знаменитый нос Софи Лорен. Кстати, в мире до сих пор происходят попытки ограбления, проведенные по сценарию из этого фильма. Зато в следующей картине «Двое в дороге» Одри, вынужденная по решению режиссера отказаться от услуг Живанши, носит платье-рубашку из металлических дисков от Пако Рабанна и купленные в обычном универсаме трикотажные блузы, пластиковую кепку и черный комбинезон. Как писал один известный журнал мод, «Одри Хепберн в фильме «Двое в дороге» – урок всем тем девицам, которые считают, что когда вы перешагнули тридцатилетний барьер, вам больше ничего не остается, как подобрать волосы и повязать платок пониже. Одри доказывает, что это не так».

Незадолго до этого Одри и Феррер купили усадьбу в швейцарской деревушке Толошен-наз-сюр-Морж под Лозанной. Но их брак изживал себя, и это было заметно всем. Мела все чаще видели с другими женщинами. Одри терпела сколько могла; потом она признавалась, что тянула с разводом из-за Шона: она все еще помнила, какой травмой стало для нее самой расставание родителей. В августе 1967 года у нее снова произошел выкидыш... Брак, длившийся тринадцать лет, распался окончательно.

Одри снова впала в депрессию. Друзья всячески старались развлечь ее. В июне 1968 года нефтяной магнат Поль Вейллер пригласил ее в круиз на своей яхте. Среди приглашенных был тридцатилетний римский аристократ Андреа Дотти, талантливый врач-психиатр. Одри нашла в нем все, в чем нуждалась: он выслушивал ее, успокаивал, давал советы и восхищался. Как он признался, впервые он увидел Одри, когда ему было четырнадцать, в фильме «Римские каникулы», – и влюбился на всю жизнь. Одри и Андреа объявили о помолвке на Рождество 1968 года, а уже в январе поженились – снова в Швейцарии; поскольку невеста была разведена, венчание в храме исключалось. На Одри был костюм из розового джерси – подарок Живанши.

Одри наконец смогла реализовать свою мечту – стать просто женой и матерью. Поселившись с мужем в Риме, Одри отказывалась от всех предложенных сценариев, тем более что вскоре она забеременела. Родившегося 8 февраля 1970 года сына назвали Лука. Одри была на седьмом небе от счастья.

Однако все было не так хорошо, как казалось. Дотти, женившись на кинозвезде, не хотел вдруг оказаться мужем простой домохозяйки. Кроме того, он предпочитал вести свободный образ жизни – с вечеринками, поездками на курорты и так далее. Пока Одри лежала в больнице на сохранении, Дотти постоянно замечали с разными девицами. Кроме того, из-за угрозы терроризма Одри с сыновьями вынуждена была переехать из Рима обратно в Швейцарию. В отсутствие жены Дотти гулял все больше. А Одри в отсутствие мужа решила вернуться в кино.

Ей предложили сценарий фильма «Робин Гуд возвращается», который потом переименовали в «Робин и Мэриан» – исторический фильм о встрече постаревших влюбленных, разлученных временем и судьбой. Партнером Одри по фильму был Шон Коннери. Он был младше Одри на год, но выглядел лет на десять старше. Одри, самой элегантной женщине в мире, пришлось весь фильм провести в облачении монахини, сшитом из грубой и жесткой ткани. Но она с честью вынесла это испытание. Роль Мэриан стала одной из лучших в кинокарьере Одри.

Зато следующие несколько фильмов были неудачами, особенно «Все они смеялись» – мало того что сама картина была явно провальной, так еще одну из актрис, Дороти Страттен, зверски убил ее муж за связь с режиссером картины Питером Богдановичем (эта история затем легла в основу фильма Боба Фосса «Звезда-80»), и это событие совершенно заслонило сам фильм. В конце концов Одри нашла в себе силы признать, что ее неудачи в кино волнуют ее больше неудач в семейной жизни, и подала на развод.

Во время тяжелого периода развода – он длился больше двух лет – Одри старалась как можно больше времени проводить дома. Но однажды она была приглашена на обед, где присутствовал актер и продюсер Роберт Уолдерс, только что перенесший смерть любимой жены – актрисы Мерль Оберон, к слову, на двадцать пять лет старше его. Оба голландцы, оба недавно

потеряли близких людей, со схожими характерами и темпераментами – они были идеальной парой. Уолдерс влюбился в нее с первого взгляда; Одри долго относилась к нему только как к другу. Одри не торопилась – она боялась снова обжечься; Уолдерс терпеливо ждал. Они все чаще появлялись вместе, и уже все видели, насколько близкими стали их отношения. Как это ни странно, но пресса была на удивление тактична в освещении романа Хепберн и Уолдерса. Однажды Одри попросила его приехать к ней в Толошеназ, ей нужно было посоветоваться, – он приехал и остался там навсегда. Брак они решили не заключать – они не чувствовали в этом необходимости. «Нет никаких причин, мешающих нашему браку, – объясняла Одри позднее, – но мы очень счастливы и без него». Недавно переехавшая к дочери баронесса ван Хеестра одобрила выбор Одри – все ее предыдущие мужья ей категорически не нравились.

Наконец Одри нашло то счастье, которое так долго искала. Одри и Роберт вместе с детьми уединенно жили в Толошеназе, изредка выбираясь на кинофестивали и приемы. Постепенно Одри увлеклась общественной работой – она почувствовала, что таким образом может принести больше пользы, чем просто принимая участие в благотворительных концертах. Работая в ЮНИСЕФ – Чрезвычайном фонде помощи детям при ООН – Одри Хепберн объездила более ста стран. Она не только собирала деньги для ЮНИСЕФ, но и лично сопровождала гуманитарные грузы по самым бедным странам, зачастую в районах военных действий. Возможно, Одри делала это в память о тяжелейших временах, пережитых ею в оккупированной Голландии. Одри говорила: «Парадокс, но ведь все последние годы я сидела дома только из-за детей. А вот теперь ради детей я путешествую по всему свету». Ей очень пригодилось ее знание языков – Одри говорила на английском, итальянском, французском, немецком, голландском и немного по-испански. Роберт Уолдерс сопровождал ее повсюду, занимаясь организационными вопросами.

Одри все еще присылали сценарии, которые она по большей части отвергала – у нее не хватало времени на съемки, кроме того она прекрасно понимала, что постарела и ее некогда прекрасное лицо не будет хорошо выглядеть на экране. Последний фильм, в котором она снялась – «Всегда» режиссера Стивена Спилберга, любовная драма с элементами мистики. Одри должна была сыграть ангела, который встречает на том свете душу погибшего летчика (его играл Ричард Дрейфус). Для исполнения этой эпизодической роли Спилбергу требовалась актриса, слава которой приближалась к мифу, а сама она походила бы на неземное существо. Конечно, Одри подходила идеально – никому другому роль даже не предлагалась. Большую часть гонорара Одри Хепберн перевела на счет ЮНИСЕФ.

Ее работа в этой организации отнимала у Одри все больше и больше сил. Она отказывалась отдыхать, словно понимая, что у нее остается не так уж много времени. В конце 1992 года у нее обнаружили рак прямой кишки. Операция не помогла – болезнь оказалась слишком запущенной. 20 января 1993 года Одри Хепберн не стало.

Ее гроб несли все, кого она любила: брат, Роберт Уолдерс, оба сына, Андреа Дотти и Юбер де Живанши. Позади вели под руки Мела Феррера. Гроб буквально тонул в белых цветах; на ленте одного из венков была надпись: «Теперь у Господа появился еще один ангел».

Рита Хейворт. Американская богиня любви

Рита Хейворт – это не просто имя в истории Голливуда. Это символ целой эпохи – сороковых годов, когда женщины были желанными и красивыми, мужчины смелыми и сильными, а страсти – неподдельными. Ее называли Великой американской богиней любви, первой секс-бомбой – и не только в переносном смысле: когда в 1946 году на атолл Бикини сбросили первую после Второй мировой войны атомную бомбу, на ее боку красовалась фотография Риты Хейворт, а саму бомбу прозвали «Джилда» – по самой известной роли Риты. Мраморную статую, изображавшую Риту Хейворт, затопили у берегов Флориды – чтобы будущие поколения знали, какие красавицы жили в середине XX века. Ее красота, сексуальность и внутренний огонь зажигали сердца миллионов мужчин по ту сторону экрана – но в конце концов сожгли и ее саму. Она говорила: «Люди думают, что моя жизнь – это путешествие от вершины к вершине. А мне кажется, что я всегда шла от одной пропасти к другой...»

Рита в своей жизни меняла все: имя, мужей, цвет волос, страны, занятия. Не изменяла она только себе. Именно ее личность, сила ее характера, нежность души – все это позволило ей стать легендой целого поколения, вытеснив из сердец и памяти своих современниц – нередко более красивых и более талантливых: Лану Тернер, Хэди Ламарр, Бетти Грейбл... Она долго шла к своей вершине, но когда она покорила ее, весь мир лежал у ее ног.

Та, которую будут помнить под именем Риты Хейворт, родилась в Бруклине 17 октября 1918 года – ее звали Маргарита Кармен Кансино. Ее родителями были профессиональные танцоры: отец Эдуардо Кансино, профессиональный исполнитель фламенко родом из Испании, когда-то покорила сердце полуангличанки, полуирландки Вольги Хейворт, сбежавшей из дому ради карьеры танцовщицы в ревю. Будущая жизнь Маргариты была предрешена: с трех лет она училась танцевать, в шесть вышла на сцену в составе семейного ансамбля «Семья Кансино», а в двенадцать уже выступала по ночным клубам с испанскими и латиноамериканскими танцами. Для образа «страстной испанки» каштановые волосы Риты пришлось покрасить в черный цвет, а все остальное дала ей природа: пухлая фигурка и яркий макияж делали Риту похожей на взрослую, а ее непринужденная сексуальность заводила зрителей сильнее алкоголя. Рита Кансино пользовалась успехом – по одной из легенд, именно в ее честь после выступлений в мексиканской «Тихуане» был назван коктейль «Маргарита». Эдуардо представлял ее публике как свою жену – и в какой-то степени это было правдой. Через много лет Рита признавалась своему мужу Орсону Уэллсу, что отец, решив, что его дочери для успешных выступлений необходим сексуальный опыт, «спал с нею, когда ему надоедало ее бить». Вольга Хейворт в это время сидела дома с двумя детьми на руках в состоянии постоянного опьянения. И через много лет Рита ненавидела своего отца – как человека, но очень ценила как профессионала: она даже пригласила его хореографом в один из своих фильмов. Тем не менее полученная в детстве психологическая травма давала о себе знать всю оставшуюся жизнь.

Во время одного из выступлений юную танцовщицу заметил агент кинокомпании Фох. Она подписала контракт – и под именем Риты Кансино снялась в нескольких малобюджетных фильмах в ролях экзотических танцовщиц. Рита никак себя не проявила, и контракт не был возобновлен. Но Рита – и особенно ее отец – уже привыкла к кинематографу. Она продолжала сниматься в малобюджетных вестернах на маленьких киностудиях в тщетной надежде привлечь внимание влиятельных продюсеров – но вместо этого привлекла внимание бывшего торговца Эдуарда Джадсона, тридцати восьми лет от роду и четырежды разведенного. Он смог не только соблазнить девушку – а с его опытом и ее наивностью это было нетрудно, – но и разглядеть немалый потенциал Риты: он наобещал ее отцу золотые горы и стал ее агентом, а затем и мужем. Впоследствии она признавалась: «Я вышла за него по любви, а он женился на мне как на объекте инвестиций».

Первым делом Джадсон занялся внешним видом Риты. Он заставил ее похудеть и сделать пластическую операцию носа, ей исправили излишне крупные зубы, а линию волос с помощью электролиза подняли вверх. Под руководством мужа Рита из знойной девушки с пышными

формами превратилась в ослепительную красавицу европейского типа, главными украшениями которой были непреодолимое обаяние юности, страстность и сияющая радость жизни. Для окончательной европеизации ее образа испанскую фамилию Кансино заменили на английскую Хейворт. Когда обновленная Рита пришла на студию Columbia Pictures, с ней тут же подписали контракт на семь лет.

Поначалу Рита снова должна была играть маленькие роли в дешевых картинах, пока на нее не обратил внимание сам президент Columbia Гарри Кон. В то время киностудия Columbia только начинала набирать обороты, и ей было жизненно необходимо занять настоящую звезду. Кон понял, что именно Рита Хейворт со временем может затмить всех голливудских кинобогинь, и усиленно начал делать из Риты звезду. Он велел режиссеру Говарду Хоуксу взять ее в фильм «Только у ангелов есть крылья», где главную роль исполнял сам Кэри Грант. Рита с честью выдержала испытание: с этой роли начался ее путь к славе. С тех пор, как для роли в фильме «Земляничная блондинка» Рита покрасила волосы в рыжий цвет, она стала считаться самой сексапильной актрисой в стране, а после роли очаровательной и раскрепощенной Доньи Соль в ленте «Кровь и песок» Рите был присвоен титул «Богиня любви Америки». Рита воплощала собой идеал каждого мужчины: соблазнительная, но не навязчивая, живая, но скромная, страстная, но нежная, божественно красивая, но в то же время понятная и простая. В отличие от привычных голливудских «роковых женщин» и «холодных красавиц» Рита была живая, теплая, с чувством юмора и огромной жизненной силой. Рыжие волосы вошли в моду: отныне и на долгие годы именно рыжие волосы стали считаться признаком неудержимой, непобедимой, всепобеждающей сексуальности.

Ее фотографии украшали страницы популярнейших журналов США. Самый известный ее снимок – сделанный Бобом Лэндри и появившийся на обложке журнала Life 11 августа 1941 года: Рита в роскошном negligee сидит на кровати – произвел эффект разорвавшейся бомбы. Журнал разошелся тиражом более пяти миллионов экземпляров, и практически у каждого американского солдата над кроватью была пришпилена фотография Риты Хейворт. Говорили, что фотокамера – в отличие от кинокамеры – ее не любила, и половина ее очарования пропадала. Но даже этой половины хватало, чтобы Риту Хейворт полюбили так, как никогда и никого. Она была настолько популярна, что Гарри Кон принял беспрецедентное решение: давать ей самые лучшие сценарии – но снимать Риту только в одном фильме в год. Объяснял он это просто: на фильмы с Ритой Хейворт зрители ходят толпами и пересматривают по нескольку раз, так что нет необходимости тратить лишние деньги на съемки и лишний раз перетруждать актрису.

Говорят, Гарри Кон влюбился в Риту с первого взгляда. Но она все время отказывала ему – даже несмотря на то, что ее собственный муж всеми силами пытался уломать ее отдаться Кону. Гарри не стал настаивать: вместо этого он пытался завоевать Риту, предоставляя ей лучшие роли, лучшие условия, лучшие гонорары. Правда, за ней по пятам ходили его шпионы, блюдя ее нравственность и спокойствие босса. Именно Кон уговорил прославленного Фреда Астора сняться с нею в двух фильмах – и Фред, признанный лучшим танцором мира, восхищенно называл Риту своей лучшей партнершей, восторгаясь не только безукоризненной техникой ее танца, но и великолепной выразительностью ее движений. Танцевала Рита действительно бесподобно – вот только пела она не своим голосом: это была самая большая тайна киностудии Columbia.

В то время, пока Америка сходилась по Рите с ума, ее личная жизнь была сплошным кошмаром. Джайлс изменял ей налево и направо, принуждал Риту спать со всеми, кто может быть полезен для ее карьеры, забирал все ее гонорары и бил ее. В феврале 1942 года она подала на развод – а он забрал все ее деньги, драгоценности, даже некоторые ее платья из шкафа и к тому же пригрозил, что расскажет о ней газетчикам много интересного. При разводе Рита не только отдала ему все, что имела (у нее остался только автомобиль и одежда), – она обязалась

выплатить ему еще 12 тысяч долларов. Гарри Кон, кровно заинтересованный в этом разводе, выплатил Джадсону еще 30 тысяч.

После развода Рита некоторое время встречалась с актером Виктором Метьюром – партнером по фильму «Моя девушка Сэл», но эта страсть была хоть и бурной, но недолгой. А потом в ее жизнь вошел Орсон Уэллс.

Уэллс – один из талантливейших актеров и режиссеров за всю историю кино, но еще одним из его многочисленных талантов был талант бабника, которому не мешал даже букет разнообразнейших болезней – от искривления позвоночника и плоскостопия до астмы и гепатита. Когда-то он был женат на блестящей красавице и светской львице Вирджинии Николсон, а потом помолвлен с актрисой Долорес Дель Рио (интересно, что именно как «новую Дель Рио» пытались поначалу раскручивать Риту боссы из Fox), а помимо этого крутил романы с самыми красивыми актрисами – от Джуди Гарланд до Мэрилин Монро. Прославился он радиопостановкой «Война миров», которая была столь достоверна, что вызвала в стране нешуточную панику – американцы всерьез сочли, что на Землю напали марсиане. После фильма «Гражданин Кейн» (который теперь считается лучшим фильмом всех времен и народов) у Уэллса были проблемы с работой – американский медиамагнат Уильям Херст справедливо узнал в сюжете фильма историю своих отношений с актрисой Мэрион Дэвис и весьма обиделся, а с теми, на кого обиделся Херст, в США никто не хотел иметь дела. Летом 1941 года Уэллс был в Бразилии, где снимал фильм «Все это правда». Ему в руки попался тот самый номер Life с Ритой на обложке – и Уэллс сказал: «Эта девушка будет моей женой!»

Орсон Уэллс всегда был человеком слова и дела. Едва он смог вернуться в Голливуд, тут же бросился на завоевание Риты. Как он вспоминал, «у меня ушло пять недель на то, чтобы Рита подошла к телефону, но в тот же вечер мы уже были вместе». Они поженились 7 сентября 1943 года.

Их союз потряс Голливуд: блестящий интеллект Уэллс женится на легкомысленной секс-бомбе без образования! Но Уэллс умел глядеть вглубь: он понял, что Рита – это совсем не то же самое, что ее героини. Она застенчива и ранима, у нее чувствительная и нежная душа, она хочет любви и понимания, а вовсе не славы или денег. «Она занимала положение, о котором и мечтать не могла, – вспоминал он, – но которое не принесло ей никакой радости. Она ненавидела своих героинь. Ей не нравилось быть Ритой Хейворт. Но у нее не было возможности вырваться из этого плена».

Во время брака с Уэллсом Рита снялась в своих лучших фильмах: «Девушка с обложки», «Сегодня вечером и ежедневно» и знаменитейшей «Джилльде». Фильм прославился не только детективным сюжетом и игрой актеров: в нем была сыграна самая знаменитая сцена стриптиза за всю историю кинематографа – правда, снимала Рита Хейворт только одну длинную черную перчатку, но как она это делала! Кинозалы стонали от восторга. А следующая лента – «Вниз на землю» – была положена в «капсулу времени» с самыми яркими артефактами XX века, несмотря на то, что критики отзывались о картине неодобительно.

Между тем отношения с Уэллсом разладились. Когда он увлекся политикой, то поначалу возил Риту с собой на митинги, чтобы она вместе с ним призывала американцев голосовать за Франклина Делано Рузвельта, – но быстро прекратил, поскольку Рита отвлекала все внимание на себя. Потом снова объявился Джадсон – оговоренные при разводе выплаты кончились, и он снова стал шантажировать Риту, угрожая опубликовать ее письма. Ее адвокатам удалось поставить Джадсона на место, но письма все же были опубликованы – и Уэллс, прочтя их, запил. Вскоре Рита объявила мужу, что беременна – но вместо ожидаемой радости Уэллс продемонстрировал лишь угрюмое равнодушие. Как-то, проходя мимо дивана, на котором вроде бы был зачат ребенок, он бросил: «Вот место, где я потерял над собой контроль». Слышавшая это Рита была оскорблена до глубины души.

Беременность протекала трудно. Рита сильно подурнела и все время плохо себя чувствовала, к тому же Уэллс завел роман с миллионершей и красавицей Глорией Вандербилт, совсем недавно вышедшей замуж за дирижера Леопольда Стоковского, который ради Глории бросил Грету Гарбо. Дочь Ребекка родилась 17 декабря 1945 года. Орсон навестил жену и дочь лишь раз – и уехал в турне по Восточному побережью.

Когда он вернулся, Рита была на грани. Она была оскорблена, обижена и зла. Пытаясь сохранить семью, Уэллс отвез жену на второй медовый месяц в Европу, но по возвращении снова ударился в загул. Рита терпела, пока могла, но в начале 1948 года они разошлись. При разводе она сказала: «Я устала быть женой на 25 процентов».

Уже на излете совместной жизни Орсон Уэллс снял Риту в фильме «Леди из Шанхая» по собственному сценарию. Сюжет обыгрывал факты из биографии Риты: ее героиня Эльза Баннистер замужем за человеком много старше ее, который грозит раскрыть ее тайну – в точности как Эдвард Джадсон. Однако сам Уэллс не хотел снимать Риту (он планировал работать с Барбарой Лааж) и согласился на ее кандидатуру только после долгих уговоров и даже откровенного давления со стороны боссов студии, прекрасно понимавших, что на фильм с участием обоих супругов (о скандалах между которыми уже знала вся Америка) народ будет валить валом. Но этого не случилось. Пришедшие на фильм с Ритой Хейворт зрители были в шоке: Рита стараниями Уэллса превратилась из жизнерадостной сексапильной девчонки в холодную элегантную леди, ее знаменитые рыжие кудри были коротко острижены, а то, что осталось, было выкрашено в платиновый блонд. Фильм провалился; его оценили только много лет спустя. Критики считают, что это был лучший фильм Риты как актрисы – она доказала, что ей по плечу и серьезнейшие драматические роли, хотя это никого не интересовало. Уже в следующем фильме «Любовники Кармен» Рита снова предстает в привычном образе рыжеволосой сексапильной красотки.

В мае 1948 года Рита Хейворт отправилась отдохнуть в Европу. Она пыталась отдохнуть от переживаний последних лет, от съемок, от разочарований. Вокруг нее снова вились самые желанные мужчины планеты, среди которых были египетский король Фарук, шах Ирана и миллионер Аристотель Онассис. Но их всех обошел принц Али Хан – невероятно богатый сын имама мусульман-исмаилитов Ага Хана III. Али учился на юриста, воевал во французском Иностранном легионе, но его истинной страстью были породистые лошади и красивые женщины. В 1934 году он с первого взгляда влюбился в замужнюю Джоан Гиннес и тут же предложил ей выйти за него замуж. Она рассмеялась, но уже через два года стала женой Али Хана. Однако женитьба не остановила любовные похождения Али – его страстность и любвеобильность были невероятны.

На Риту Али обратил внимание, увидев ее в «Джильде», но в то время у него был роман с Памелой Черчилль – падчерицей премьер-министра. Но когда Рита приехала во Францию, Али бросил все и кинулся знакомиться с кинозвездой в надежде немедленно с ней переспать. Однако с первой же встречи он понял две вещи: Рита не будет спать с первым встречным, даже если это принц Али, и что она – гораздо больше, чем просто случайная знакомая. Попросту говоря, Али влюбился, а вот Рите он совсем не понравился. Однако она согласилась снова с ним встретиться – и Али применил хоть и не совсем честный, но безотказный прием. Зная, что Рита весьма суеверна и увлекается всякой мистикой, он подослал к ней цыганку-гадалку, которая нагадала Рите, что как раз сейчас она стоит на пороге новой любви, и ее судьба – недавний знакомый, смуглый красавец и богач. Рита поверила и бросилась в объятия Али Хана.

Сначала Али повез свою возлюбленную в Испанию (где на корриде в Толедо тореадор даже преподнес ей в знак восхищения свежубитого быка), а затем отправился вслед за ней в США, где их роман уже вызвал немалый скандал.

В конце сороковых годов США оставались весьма пуританским государством, где внебрачные связи осуждались, а уж роман с женатым мужчиной – а Али был женат – расценивался

как преступление против общества. Если раньше пресса была в подчинении у голливудских боссов и не писала ничего, что могло бы повредить репутации кинозвезд (хотя писать было о чем), в послевоенное время журналисты не желали закрывать глаза на «жареные» факты, если на них можно было сделать тираж. Доставалось всем: и женатому Фрэнку Синатре за роман с Авой Гарднер, и Ингрид Бергман, которая бросила мужа ради итальянского режиссера Роберто Росселини, и Рите Хейворт за связь с мусульманским принцем. Студия под угрозой увольнения потребовала от Риты прекратить порочащую ее связь, но Рита лишь усмехнулась – и вместо Али бросила «Коламбию». Они с Али отправились в путешествие – сначала на Кубу, где Риту приветствовали как живую богиню, а затем в Лондон. Тут на них снова набросились журналисты: каждый шаг влюбленных отслеживали папарацци, а затем снимки с гневными заголовками появлялись во всех газетах по обе стороны океана. Рита и Али скрылись в Швейцарии, где оказалось, что Рита беременна. Она была в растерянности – но Али заверил ее, что он женится на ней во что бы то ни стало. Он срочно развелся с женой, и 27 мая 1949 года состоялась свадьба века – принц Али Хан взял в жены актрису Риту Хейворт, ставшую принцессой Ритой. Это был первый случай, когда голливудская актриса стала обладательницей столь высокого титула. Ей даже не пришлось менять религию – она лишь дала письменное обязательство, что дети будут воспитываться в мусульманской вере. На бракосочетании присутствовали 500 гостей, которые съели 50 фунтов икры и выпили 600 бутылок шампанского, сидя вокруг бассейна с 200 галлонами одеколлона и слушая выступление Ива Монтана. Журналисты с упоением перечисляли подарки принца: чистокровные арабские скакуны, роскошные драгоценности, весившие столько же, сколько сама Рита, дорогие автомобили, антикварная мебель.

И никто не знал, что накануне свадьбы Рита отбила телеграмму Уэллсу: «Приезжай». И он примчался к ней на грузовом самолете (на пассажирские рейсы билетов не было), простояв весь путь. Когда он вошел в номер Риты, она встретила его в постели: «Вот она я. Женись на мне».

Уэллс не воспользовался ее предложением, но всю ночь он провел с ней, выслушивая ее рыдания и успокаивая. Она прекрасно понимала, что Али не будет хорошим мужем – его сексуальные аппетиты слишком непомерны, а характер чересчур эгоистичен, чтобы беспокоиться о ком-нибудь, кроме себя. Она оказалась права: не прошло и месяца со дня свадьбы, как Али начал изменять Рите, а когда она родила дочь, названную Ясмин, – дочь, а не сына! – Али совершенно охладил к ней. Его отец, Ага Хан, искренне симпатизировавший Рите, пытался образумить сына, но все было бесполезно. Ага Хан даже заблокировал счета Али, чтобы тот не смог тратить деньги на любовниц, но тот нашел выход – он стал тратить деньги Риты. Все ее возражения были напрасны: как истинный мусульманин, Али считал себя вправе полностью распорядиться собой, своей женой, ее жизнью и ее деньгами. В конце концов Рита забрала детей и сбежала в США, где первым же делом подала на развод.

У нее было разбито сердце, она была измотана и опустошена. Пытаясь развеяться, Рита снова уезжает в Европу – сначала в Париж, а оттуда в Мадрид, где у нее был короткий роман с тореадором Луисом Мигелем Домингином – бывшим любовником Авы Гарднер. Подобные путешествия «по странам и постелям» в актерской среде всегда считались лучшим средством от всех проблем, но Рите оно не помогло. Она хотела любви, а не секса, счастья, а не разнообразия, спокойствия, а не острых ощущений. Рита Хейворт, предмет мечтаний миллионов мужчин, никак не могла встретить того единственного, который бы сделал ее счастливой. Ежедневно на ее имя приходили сотни писем с предложениями руки и сердца, а она всю жизнь чувствовала себя одинокой. «Все мои мужчины ложатся в постель с Джильдой, а просыпаются со мной», – грустно говорила она. Рита всю жизнь выбирала не тех мужчин – и всю жизнь не оставляла надежду на счастье.

Вернувшись в США, Рита Хейворт снова начала сниматься в кино. Гарри Кон был, пожалуй, единственным мужчиной в жизни Риты, который оставался ей верен в любых обстоя-

тельствах. Рита была готова работать день и ночь, и Кон дал ей такую возможность. Она сыграла главные роли в нескольких фильмах, и хотя было заметно, что молодость Риты прошла – исчезла ее жизненная энергия, ее искрящаяся радость, – но она по-прежнему была красива, а играла она даже лучше, чем в свои лучшие годы. Ее новый образ – женщины с прошлым, женщины, у которой внутри больше, чем снаружи, – оценили знатоки и верные поклонники, но не пресса. После премьеры фильма «Мисс Сэди Томпсон», поставленного по мотивам «Дождя» Сомерсета Моэма, сам Моэм сказал: «Рита Хейворт – женщина, перед которой не сможет устоять ни один мужчина». Однако критики обращали на ее фильмы мало внимания – за последние годы Рита из кинозвезды превратилась в героиню скандальной хроники, и журналистам было интереснее копаться в ее жизни, чем ходить на ее фильмы.

В 1953 году Рита снова вышла замуж – за певца и актера Дика Хеймса. У него была плохая репутация – он беспорядочно пил, растратил немалый капитал на кутежи и имел целый выводок детей. Рита была его пятой женой; он покорила ее напором и страстью – а удерживал побоями и алкоголем. Он пытался устроить свою давно рухнувшую карьеру за счет имени жены, но сломал карьеру ей. Когда Хеймс поссорился с руководством «Коламбии» (он требовал себе роль), его уволили, а затем начали против него судебный процесс по обвинению в уклонении от уплаты алиментов. Рита так переживала за мужа, что совсем забросила собственных детей: когда журналисты обнаружили их в доме няни Дороти Чемберс, они ужаснулись – Ребекка и Ясмин были грязными, голодными, неухоженными. После опубликованных фотографий иск вчинили уже Рите. Целый год она таскалась по судам, пытаясь вернуть себе детей, и добилась своего – но газетные публикации окончательно испортили ее имидж. К тому же Хеймсу по решению суда было запрещено появляться в Калифорнии – следовательно, и Рита, которая не хотела оставлять мужа, не могла появляться на голливудских студиях.

В 1954 году вместо «фильма с Хейворт» на MGM вышел фильм «о Хейворт» – «Босоногая графиня» режиссера Джозефа Манкевича. Главная героиня – испанская танцовщица Мария Варгас – была списана с Риты. Ей же предложили и сыграть – но из-за Хеймса Рита отказалась, и Марию сыграла Ава Гарднер.

Точку в четвертом браке Риты поставил сам Хеймс – однажды в холле отеля Socoport Grove он так врезал ей в глаз, что она отлетела к противоположной стене. Рита встала, поднялась в номер, собрала детей и уехала в Голливуд.

Она снова снималась – ведь это было единственное, что она умела делать. Правда, главных ролей ей уже не доверяли, но все же она снялась в нескольких очень хороших фильмах – «Приятель Джо», «Огонь внизу», «Отдельные столики». Во время съемок «Столиков» Рита сошлась с кинорежиссером Джимом Хиллом, который стал ее пятым мужем. Он пытался заново раскрутить Риту Хейворт – на этот раз как комедийную актрису, в ролях, которые критика определила как «поиграть в гольф, накрасить губы, выпить, пошутить и уйти». Но Рита уже устала от кино, она хотела просто семейной жизни – чего совершенно не хотел Хилл. Они ругались так, что у соседей дрожали стекла в окнах, беспорядочно пили и снова дрались. В сентябре 1961 года они развелись. Больше Рита замуж не выходила. Журналу Times она признавалась: «Меня не удивляют неудавшиеся браки. Меня удивляют те, которые удалась».

В последние годы она снималась в эпизодических ролях, но каждый фильм давался ей все труднее. Она забывала текст – приходилось везде развешивать шпаргалки с текстом, – путала мизансцены, постепенно у нее отказывала память. Журналисты поспешили объяснить все неприятности бывшей Богини любви алкогольной зависимостью и белой горячкой, но все оказалось серьезнее – у Риты Хейворт была болезнь Альцгеймера. Она переставала узнавать друзей, путала времена и места. За ней ухаживала младшая дочь, принцесса Ясмин Ага Хан, которая ради матери оставила карьеру оперной певицы и светскую жизнь. В 1977 году актрису, которая совершенно потеряла контроль над собой, отдали под опеку Ясмин. Она много сделала для помощи таким, как ее мать, – собирала деньги на исследования, организовывала больницы,

основала фонд по борьбе с болезнью Альцгеймера, председателем которого являлась многие годы.

Рита Хейворт умерла 14 мая 1987 года. Она похоронена на лос-анджелесском Кладбище святого Креста, в знаменитом Гроуте, где покоятся останки многих голливудских знаменитостей.

Мэй Уэст. Бог тут ни при чем

Мэй Уэст – одна из самобытнейших легенд американской культуры, женщина, которая не была похожа ни на кого и которой подражали миллионы. Секс-символ во времена, когда даже намекать на секс было преступлением, талантливейшая актриса, прославившаяся не только выдающимися формами и шутками на грани приличия, но и неординарным умом и потрясающей работоспособностью, позволившими ей быть на вершине даже тогда, когда ей перевалило за восемьдесят. Сногшибательная, смелая, сексуальная, остроумная, свободная Королева секса – такой Мэй Уэст останется в истории.

В ней странным образом переплелось настоящее и искусственное, легенда и правда, истинный темперамент и выдуманные любовные связи, настоящие формы и фальшивые бриллианты. Даже ее имя, которые многие считали подлинным, а многие – невероятно удачным псевдонимом, успешно сочетало в себе эти крайности. На самом деле ее звали Мэри Джейн Уэст, и она родилась 17 августа 1893 года в Бруклине, районе Нью-Йорка. Ее отец, Джон Уэст, в котором смешалась кровь ирландских католиков и – как предполагают – негритянская (сам он, впрочем, без труда сходил за белого), за свою жизнь сменил множество профессий: от кулачного бойца до продавца галстуков, от полицейского до владельца собственного детективного бюро. Его жена, урожденная Матильда (или Тилли) Делкер-Дёльгер, происходила из семьи баварских евреев и до замужества подрабатывала моделью – позировала в корсетах и рекламировала одежду в универсальных магазинах, хотя больше всего она мечтала стать актрисой. Как это часто бывает, свою нереализованную мечту она попыталась исполнить в детях, которых у нее было трое: кроме Мэри Джейн, у Уэстов была еще дочь Милдред Кэтрин по прозвищу Беверли и сын Джон Эдвин.

Старшая дочь была, по мнению Тилли Уэст, прирожденной актрисой. В пять лет она прекрасно пела и танцевала, а в семь – под именем Бэйби Мэй – выиграла местный конкурс юных талантов. Не без помощи матери Мэй поняла, что лишь внешность и талант, если ими правильно распорядиться, могут поднять женщину из низов общества на вершину. Так что ничего удивительного нет в том, что еще подростком Мэй оттачивала свою сексуальность на всех встречающихся мужчинах и что она бросила школу, чтобы присоединиться к местной театральной труппе. Тилли всячески поддерживала Мэй, а что касается прочих родственников – их недовольство никто в расчет не принимал.

В двенадцать лет Мэй выступала как Бэйби Вамп в водевильных представлениях, в четырнадцать объездила полстраны с гастрольями, а в семнадцать выскочила замуж за своего партнера по сцене Фрэнка Уоллеса. Бракосочетание состоялось в Милуоки 11 апреля 1911 года. Мэй пришлось добавить себе год, чтобы их поженили без лишних проблем. Правда, как только Мэй убедилась, что она не беременна, как опасалась, она тут же рассталась с Фрэнком – она всегда считала брак палкой о двух концах, ибо он дает женщине защиту, но отнимает свободу и независимость, а именно это Мэй ценила превыше всего.

В том же 1911 году Мэй Уэст впервые появляется в самом сердце театральной Америки – на Бродвее. Она играет – иногда вместе с сестрой Беверли, которая тоже стала актрисой, хотя потом быстро вышла замуж и сошла со сцены, – в ревю и мелодрамах, невероятно популярных в то время, когда кинематограф еще не стал властителем дум, и довольно быстро стала местной звездой. Пухлая шатенка (знаменитые платиновые локоны появятся через десять лет) с горящими глазами и низким мурлыкающим голосом позволяла себе такие шутки, на которые отваживался не всякий мужчина. Чтобы компенсировать свой небольшой (около 160 см) рост, она надевала туфли на огромных – двадцать сантиметров – платформах, благодаря чему сформировалась ее знаменитая походка – скользящая, качающаяся и слегка вульгарная. Мэй в основном играла женщин полусвета 1890-х годов, и именно тогда сложился ее стиль в одежде: яркие, слегка вульгарные облегающие наряды, корсеты, блески, фальшивые бриллианты, мех леопарда и затейливые шляпы с перьями. Мэй прославилась не только остроумием и неприкрытой сексапильностью, но и исполнением мужских ролей, которые у нее получались невероятно убедительными. Даже пошли слухи, не утихающие затем несколько десятилетий, что на самом деле Мэй – мужчина, переодетый в женское платье. Правда, никто из ее многочисленных любовников почему-то не жаловался, а их уже в те годы было немало – знаменитые боксеры, партнеры по сцене, журналисты, биржевые маклеры. В 1913 году Мэй прогремела исполнением шимми – сладострастного танца, движения которого она скопировала у негритянских танцовщиц из гарлемских блюз-баров. Еще одна легенда гласит, что примерно в то же

время она вступила в брак второй раз – ее мужем стал знаменитый аккордеонист Гвидо Дейро. Причем рассказывают, что, дабы избежать обвинений в двоемужии, Мэй вышла замуж под псевдонимом и что этот брак, в отличие от предыдущего, она законно расторгла в 1920 году. Место рядом с Мэй занял адвокат Джим Тимони, который, правда, вскоре навсегда забросил юридическую карьеру ради того, чтобы управлять делами Мэй.

Постепенно Мэй наскучило играть в чужих пьесах и произносить чужие остроты, и она начала сама писать себе скетчи, а затем и пьесы. Ее первая пьеса называлась «Секс» – для того времени, когда это слово нельзя было даже употреблять в прессе, название необычайно смелое и столь же провокационное. Уже здесь можно заметить все признаки фирменного стиля Мэй Уэст: сексуальная провокация, двусмысленные остроты с сексуальным подтекстом, отрицание ханжеской морали и воспевание права женщины быть сильной, свободной, независимой и честной в своих желаниях, в том числе сексуальных. Премьера состоялась 26 апреля 1926 года – Мэй исполняла главную роль, а также была режиссером и продюсером. Спектакль пользовался невероятным успехом, пока однажды на представление не явился полицейский наряд и не арестовал всех актеров по обвинению в оскорблении общественной морали. На самом деле ничего оскорбляющего в пьесе не было – обычная история о проститутках и ковбоях, немного детектив, немного мелодрама, – но Мэй признали виновной в развращении молодежи и приговорили к 10 дням тюрьмы. Правда, она так очаровала начальника тюрьмы, что заключение превратилось для нее чуть не в праздник: ей разрешили носить собственное шелковое белье, а не грубое тюремное, обедала она с начальником тюрьмы, а завтрак ей приносили из ближайшего кафе, к тому же освободили ее на два дня раньше «за хорошее поведение».

Из тюрьмы она вышла всеамериканской знаменитостью: все газеты наперебой судачили о том, как в самой свободной стране женщину могут посадить в тюрьму лишь за то, что она осмеливается говорить о сексе. Когда Мэй вышла на свободу, она опубликовала статью о женщинах, которых увидела в тюрьме, а гонорар пожертвовала тюремной библиотеке (именно там должна была, по мысли судей, трудиться Мэй в заключении).

Правда, в обретенной популярности были и свои минусы: теперь за Мэй безотрывно следовала цензура. Ее следующую пьесу «Бремя», посвященную проблемам гомосексуалистов, не разрешили играть в Нью-Йорке, и она шла в Нью-Джерси: на сцене были сорок самых настоящих трансвеститов и геев, знакомых Мэй, хотя в то время даже говорить о таких людях считалось неприличным, а Мэй признавалась: «Травести меня просто обожают. Ведь я – это то, чем они хотели бы стать!» Спектакль снова был закрыт с помощью наряда полиции. Та же участь постигла еще несколько пьес Мэй Уэст, некоторые из которых не были сыграны и трех раз.

В 1928 году Мэй Уэст поставила свою, пожалуй, лучшую пьесу «Алмазная Лил», где играла заглавную роль острой на язык певички из салуна, веселой и свободолюбивой красотки 1890-х годов. Мэй словно написала эту роль с себя, так Лил была похожа на Мэй, и именно этот образ она пронесла через всю свою карьеру, обращаясь к нему, когда наступали трудные времена. Спектакль с триумфом прошел не только на Бродвее, но и по многим крупным городам США. Правда, это была последняя подобная удача: разразилась Великая депрессия, и люди больше не хотели ходить в театры, к тому же цензура все более предвзято относилась к творчеству Мэй Уэст, закрывая и запрещая ее спектакли один за другим. Сексуальная свобода и социальная острота ее пьес были для тогдашней пуританской Америки совершенно недопустимыми и вызывали гнев не только официальных властей и представителей религии, но и многих простых зрителей, для которых разговор со сцены о сексуальной жизни был равносильен моральному изнасилованию. К тому же в 1930 году умерла ее мать, и Мэй оказалась на грани глубокой депрессии – она даже готова была бросить театральную карьеру. Но ее слишком деятельная натура не давала ей сидеть без дела – Мэй написала роман «Крошка Гордон», который вскоре был опубликован.

Она поняла, что в театре она больше не сможет спокойно работать, к тому же стало очевидно, что наступает эра кинематографа. В 1932 году Мэй Уэст подписала контракт со студией Paramount Pictures на съемки в фильме «Ночь за ночью».

Она приехала в Голливуд и поселилась в апартаментах Равенсвуд неподалеку от студии. Эту квартиру она сохранит за собой на всю жизнь.

Когда Мэй повнимательнее прочла сценарий, она почти решила отказаться от съемок: фильм планировался как бенефис актера Джорджа Рафта, а у Мэй, которая должна была играть его подружку, было всего несколько незаметных эпизодов с невыразительными репликами. Но она давила на продюсеров, пока те не разрешили ей переписать все свои сцены. Так, например, появилась одна из самых знаменитых сцен Мэй Уэст: гардеробщица, восторженно плясая на увешанный украшениями бюст Мэй, восклицает: «Бог мой, какие чудные бриллианты!», на что та отвечает: «Бог тут совершенно ни при чем, милочка». Здесь же прозвучала еще одна ее знаменитая фраза: «Я потеряла свою репутацию и никогда по ней не скучала». Фильм имел ошеломляющий успех, причем на девяносто процентов благодаря Мэй: фильм был довольно скучный, и лишь ее сцены заставляли зрителей не уходить из зала. После премьеры Рафт заявил: «Мэй украла все, кроме камер» – намекая на то, что она смогла сделать из своей эпизодической роли главное событие фильма.

Дело было в том, что Голливуд всегда славился тем, что он создавал актерские типажи или актеров-звезд согласно собственным требованиям и планам, а Мэй пришла в кинематограф совершенно сложившейся актрисой, со своим амплуа, со своей славой и со своими требованиями. Она желала блистать, но только там, где всем обязана себе самой, там, где она контролировала или проделала сама всю подготовительную работу. Как только боссы Paramount поняли, что Мэй можно доверить главную роль, она взяла дело полностью в свои руки: переделала в сценарий «Алмазную Лил» (правда, из-за требований цензуры пришлось сменить название и все имена), сама подобрала исполнителя на главную роль (ее выбор пал на начинающего Кэри Гранта, на счету которого к тому времени была только одна более-менее заметная роль, зато он был красавцем и, как говорили, доказал Мэй свои таланты в постели). Костюмы делала тоже начинающая Эдит Хед – главный художник по костюмам студии Paramount Тревис Брентон оказался слишком занят для первого фильма начинающей актрисы, а Эдит поразила воображение Мэй своими прекрасными эскизами расшитых блестками платьев с открытыми плечами, шикарных шляп и оригинальных драгоценностей. С этой работы началась слава Эдит Хед как великого костюмера.

Фильм под названием «Она ему навредила» стал национальной сенсацией, в тысячи раз окупив затраты, получив номинацию на «Оскара» в категории «Лучший фильм» и превратив Мэй Уэст и Кэри Гранта в звезд первой величины. Фраза Мэй «Когда я хорошая, я очень хороша, но когда я плохая, я еще лучше» моментально стала знаменитой. Правда, фильм был запрещен в Австралии и вызвал скандал в конгрессе США. На волне успеха Paramount немедленно запустил новый фильм с Мэй Уэст и Кэри Грантом «Я не ангел». Мэй снова выступила в роли сценариста, и поскольку сценарий был оригинальным, а не переделкой печально знакомой цензорам пьесы, разрешение на постановку было получено достаточно легко. В этом фильме Мэй играет укротительницу львов, которой она мечтала стать еще в детстве, и не только сама входит в клетку с хищниками, но даже кладет голову в пасть льву. Фильм снова номинировался на «Оскара», а у зрителей имел еще больший успех – считается, что доходы от этих двух фильмов спасли студию Paramount Pictures от угрожавшего ей банкротства.

Мэй Уэст стала самой кассовой актрисой Голливуда – и соответственно самой высокооплачиваемой, получая около 50 тысяч долларов в неделю. Теперь она могла сама диктовать студии условия – и, что самое удивительное, получать все, что требовала. Когда Мэй захотела пригласить в свой фильм «Красотка 90-х годов» Дюка Эллингтона (с которым у нее, по слухам, в то время был роман), руководство пришло в ужас: в те времена негров если и снимали в

кино, то исключительно в «негритянских» фильмах. Но Мэй настояла на своем – и их песенные номера стали лучшими за всю карьеру Мэй. Этот же фильм прославился появлением Мэй Уэст в образе статуи Свободы – в платье цветов американского флага и с откровенно фаллическим факелом в руке. Кадр разошелся по всем журналам страны, и остроумные газетчики прозвали его «Статуя Либида». В картину «Каждый день праздник», где Мэй играла мошенницу, продавшую наивному провинциалу Бруклинский мост, она пригласила не только молодого Луиса Армстронга, но и французского модельера Эльзу Скиапарелли, которая стала художником по костюмам. Мэй уже несколько лет носила одежду от Скиапарелли: ее стиль, одновременно классический и провокационный, как нельзя лучше подходил для Мэй Уэст, а фантастические шляпы и наряды от Эльзы с четкими линиями и выразительными деталями, в которых удивительно сочетались элегантность и сексуальность, стали визитной карточкой Мэй – и лучшей рекламой для Скиапарелли, которая стала не только модельером, но и одной из ближайших подруг Мэй Уэст. Символами их многолетнего сотрудничества стали знаменитый диван в салоне Скиапарелли, выполненный Сальвадором Дали в форме губ Мэй Уэст, и флакон духов Shoking, сделанный по образцу манекена Мэй.

Дали, у которого в то время был период явного увлечения американскими символами (одним из которых, безусловно, была Мэй Уэст), даже создал картину, где лицо Мэй складывалось из предметов интерьера (этот интерьер был через много лет реализован в замке Дали в Фигейросе), а знаменитый рисунок губ и носа Мэй стал одним из самых узнаваемых образов Дали – например, сейчас он используется для парфюмерных флаконов его имени. Сам художник отозвался о Мэй так: «Когда ты приходишь к ней, тебя встречают манящие и располагающие губы. Но будь осторожен! Этот рот в любой момент может тебя съесть!»

В тридцатых годах американские газеты были полны рассказов о Мэй Уэст, ее фотографий – чаще всего с Мэй, лежащей на знаменитой огромной кровати под белым балдахином, в черном кружевном пеньюаре или атласных платьях, и интервью. Она рассказывала, что, одеваясь по утрам, надевает сначала чулки и ботинки, затем шляпу (шляпы она обожала – особенно в духе своих любимых 1890-х годов, с огромными полями и облаком перьев), а потом – корсет и платье. Характерный силуэт ее платьев – очень узкий сверху, подчеркивающий ее стянутую корсетом фигуру, напоминающую песочные часы, и ниже колена расходящийся облаком складок, перьев или кружев в длинный волнующийся шлейф, стал таким же узнаваемым, как ее выдающиеся формы, прическа из коротких платиновых локонов или ее фразы, самой знаменитой из которых была, безусловно, реплика «У тебя пистолет в кармане или ты просто рад меня видеть?» Известно, что во времена Второй мировой войны солдаты союзников называли свои надувные спасательные жилеты «Мэй Уэст» – за их сходство с ее пышным бюстом. В ее честь названы неисправность парашюта – когда его перекручивает посередине, он становится похож на огромный бюстгальтер, подходящий лишь для женщины с габаритами Мэй Уэст, и вид графика в ядерной физике с двумя мягкими пиками и ложбинкой между ними.

Секрет успеха Мэй Уэст был в том, что она говорила о таких вещах, которые близки всем – и о которых никто, кроме нее, не говорил, и делала это с блестящим остроумием и вкусом. В отличие от более поздних секс-богинь она никогда не обнажалась в своих фильмах, да что там, она даже целовалась очень редко. Но то, что она показывала – плечи, линии тела, руки, глаза, вкупе с волнующим голосом и особыми интонациями заставляли всех в зрительном зале думать только о ней. Мэй не без кокетства называла себя копией Венеры Милосской: «Разница лишь в том, что у меня есть руки, и я знаю, что ими делать. И я далеко не мраморная!» Вокруг нее вились многочисленные слухи о разбитых ею сердцах, о покоренных мужчинах – среди них были известные политики, банкиры, спортсмены, и она никогда не возражала, хотя большая часть таких историй была выдумкой. Мэй Уэст свято блюла свой имидж страстной сексуальной женщины и практически никогда не говорила о своих любовниках, считая, что в глазах публики она должна оставаться всегда свободной для нового мужчины.

Но такая провокационная слава не могла не вызвать противодействия у блюстителей нравственности. Католическая церковь устраивала специальные акции с требованиями убрать Мэй Уэст с экранов, пуритански настроенные американцы срывали ее плакаты и осыпали очереди на ее фильмы гнилыми помидорами, а моралисты забрасывали боссов Paramount Pictures гневными письмами. Исследователи считают, что печально знаменитый «Кодекс Хейза», свод требований, устанавливающих правила приличия в американском кино, был обращен во многом против лично Мэй Уэст. Отныне в американских фильмах не целовались дольше трех секунд, любящие семейные пары спали исключительно на отдельных кроватях, а ковбои, которым было запрещено ругаться, стали говорить изысканным литературным языком. Но у Мэй нашлось оружие и против Кодекса: она стала наполнять свои сценарии таким количеством двусмысленностей, прикрытых откровенно неприличными фразами, что цензоры, старательно вымарывая последние, первые просто не замечали. Все ее знаменитые фразы того времени были смешны и провокационны не сами по себе – в буквальном значении они были практически невинны – но благодаря ее фирменной интонации и выверенным выразительным жестам. Ради таких фраз ее поклонники снова и снова шли на фильм, чтобы иметь возможность лишний раз убедиться, что им не показалось – и Мэй и вправду имеет в виду то, что они подумали. Мэй со свойственным ей цинизмом замечала: «Я благодарна цензуре – она сделала меня богатой».

Надо сказать, что богатой ее сделала не только цензура. В голливудские годы Мэй очень удачно начала заниматься сделками с недвижимостью – однажды она заработала пять миллионов долларов, вложив всего шестнадцать тысяч. Слухи о ее благосостоянии распространились по всей стране, вызвав новый скандал, в котором, по правде говоря, была виновата она сама: в середине 1935 года в Голливуде появился ее забытый муж, Фрэнк Уоллес, который на вполне законных основаниях требовал свою долю «их» совместно нажитого имущества. Лишь через два года Мэй призналась, что действительно выходила за него замуж, и в 1942 году супругов, которые не прожили вместе и недели, законно развели. Денежный вопрос Мэй решила втайне – никто так и не узнал, во сколько обошлось ей давнишнее замужество.

Но неприятности продолжали донимать ее. Ее первое появление на радио в декабре 1937 года – она сыграла два скетча, один из которых был про Адама и Еву в Эдеме, – вызвало огромный скандал: зрители были шокированы тем, как вольно Мэй Уэст, которая вообще не была автором скетча, обращается с Библией, да еще в воскресенье, так что Мэй еще десять лет вход на радио был запрещен, а вышедший в то же время фильм «Каждый день праздник» не имел такого успеха, какого заслуживал. Из-за постоянных проблем с цензурой фильмы Мэй Уэст становились все более вымученными и неестественными, и следовательно, не имели прежнего успеха у зрителей. Последним ее триумфом был фильм 1940 года «Моя маленькая синичка», снятый на студии Universal, где вместе с Мэй играл знаменитый комик У. Си Филдс. Автором сценария снова была Мэй – она играет женщину с весьма сомнительной репутацией, которая вступает в фиктивный брак, дабы войти в приличное общество, а Филдс играл мошенника, за которого она выходит замуж. Две звезды, не привыкшие ни с кем делить свои фильмы, Мэй и Филдс не сработались с самого начала: его раздражало поведение Мэй, ему казалось, что она задалась целью захватить все экранное время, а она не выносила его пьянства. В контракт даже вставили пункт, согласно которому Филдса, если Мэй только учует исходящий от него запах алкоголя, могут прогнать с площадки. Злые языки говорили, что единственным способом получить Мэй и Филдса в одном кадре было снимать их по отдельности, а затем монтировать. Фильм имел оглушительный успех, но следующий – «Жар не остановить» – провалился в прокате. Впрочем, в этом не было вины Мэй Уэст: она согласилась сниматься лишь по просьбе своего друга Грегори Ратоффа (вместе с которым работала еще в картине «Я не ангел»), даже не читая сценария, который оказался отвратительным, и хотя во время съемок пыталась хоть как-то улучшить ситуацию, у нее ничего не вышло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.